

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЬГИН

ЭКСПАНСИЯ. ТИТАНЫ ВСЕЛЕННОЙ



ЭКСМО

КРОВЬ ТИТАНОВ

Абсолютный воин

Вячеслав Шалыгин

Кровь титанов

«ЭКСМО»

2002

Шалыгин В. В.

Кровь титанов / В. В. Шалыгин — «Эксмо»,
2002 — (Абсолютный воин)

ISBN 5-699-00838-1

Существование расы титанов – мудрых сверхлюдей и великих Воинов, созданных в земных лабораториях в результате генетических экспериментов, – под угрозой. Их погибшие в битвах прошлого товарищи, загадочным образом вернувшиеся из небытия вместе со своими космическими кораблями, атакуют и побеждают бывших соратников. Пилоту-титану Алексею Турину предстоит вступить в решающую схватку с неуязвимыми невидимками и раскрыть зловещие тайны могущественных рас.

ISBN 5-699-00838-1

© Шалыгин В. В., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Часть первая	5
1. Марс. 11.06.3242 г. Воины	8
2. Титан	14
3. Дворец	19
4. Прием	24
5. Слухи	30
6. Марс	34
7. Титан	39
8. Милиция	44
9. Марсиане	49
10. Тоннель	54
11. Долгая ночь	59
Часть вторая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вячеслав Шалыгин Кровь титанов

Часть первая ТИТАН, СПУТНИК САТУРНА

Зевс. Так звала его мать, которую он не помнил до тех пор, пока не стал совсем взрослым. Впервые он увидел ее, когда, как и положено настоящему ученому, испытал изобретенный им прибор на себе. Новейшая аппаратура и прилагающиеся к ней методики позволили ему вскрыть самые глубокие слои памяти, включая и те, куда был не в состоянии проникнуть ни один телепат, даже из специального подразделения «Спрут». Только Зевс мог прочесть воспоминания человека от первых минут рождения. И как раз это изобретение определило смысл всей его жизни. Теперь он мог мысленно вернуться туда, куда не способен был заглянуть ни один человек на свете: в события, происходившие вокруг него, когда он еще не понимал ни слов людей, ни смысла их жизненной суеты. Проникая к истокам памяти, он оценивал окружающие вещи и события с точки зрения взрослого человека, но видел мир через призму восприятия малыша, которым был в те далекие времена. И чаще всего он вспоминал один и тот же эпизод...

Ему исполнилось полторы недели, когда произошла эта чудовищная, жестокая несправедливость. Он, как обычно, спал и видел сны о каплях ароматного молока, непонятных звуках и картинках, окружающих его с тех пор, как он покинул первое пристанище: полное воды, уютно постукивающее ритмом большого сердца и вторящей ему скороговоркой маленького – собственного. Сон обрывался на самом приятном месте. На смену ему пришли громкие звуки и яркие вспышки, а еще тяжелый запах, от которого хотелось чихать и кашлять. Он проснулся и широко открыл глаза, не пытаясь рассмотреть что-либо, а всего лишь потому, что так требовали простейшие рефлексy. Образы людей – он уже отличал их от неподвижных предметов – были, как всегда, расплывчаты и перевернуты вверх ногами, но двигались необычно быстро. Малыш ожидал, что кто-то из них склонится над колыбелью, однако людям было не до него. Никто не протягивал Зевсу бутылочку с водой или погремушку. Эти люди были заняты какими-то своими делами. В очередной раз закашлявшись, младенец вытянул перед собой пухлые ручки и возмущенно закричал. Кричать ему мешал щиплющий горло привкус. Зевс уже потерял всякую надежду на порцию сюсюкающего внимания, когда его подхватили знакомые нежные руки, и сквозь неприятный запах гари пробился аромат молока. Грудь матери была совсем рядом. Прижимаясь к ней щекой, он чувствовал ее тепло сквозь тонкую ткань платья. Малыш потянулся ртом к соску, но мать почему-то не высвободила его из-под промокнувшей ткани. Более того, женщина прижала голову сына к груди так, что дотянуться до заветного источника пищи он уже и не надеялся. Левое ушко младенца было прижато к телу матери, и от произносимых женщиной слов Зевс чувствовал где-то внутри головы легкую щекочущую вибрацию. Память подсознания хорошо сохранила обрывки тогда еще непонятных фраз.

– Это твой сын! – говорила мать кому-то, кто стоял вне поля зрения малыша. Слова она произносила необычно громко и совсем не ласково. Зевс еще никогда не слышал в мамином голосе таких интонаций.

– Полукровка, – презрительно ответил ей мужской голос. – Больше не будет никаких экспериментов. Высшая ступень развития человека – титаны. Весь остальной сброд – всего лишь тупиковые ветви, неандертальцы, и для эволюции не имеет значения, выживут они при новом мировом порядке или нет.

Сердце матери забилось чаще, и она прижала голову сына еще сильнее.

– Если в твоём мире нет места для простых людей, он обречен, – горячо возразила женщина.

– Это вопрос будущего, – ответил мужчина. – В данный момент обречена ты и твои сородичи!

Сверкнула вспышка, тело матери вздрогнуло, и на лицо Зевса упали тяжелые капли густой красной жидкости. Одна из капель стекла по его губам и попала на язычок. Вкус ее немного напоминал вкус молока, но какого-то соленого и вязкого. Руки матери ослабли, и малыш почувствовал, что скользит куда-то вниз. Его ножки коснулись прохладного пола, но в тот же момент сильная рука подхватила Зевса и подняла на прежнюю высоту. Младенец не мог сфокусировать взгляд на лице мужчины, но запах его кожи и тембр голоса запомнил навсегда. Запах был тяжелым, гари и пота, а голос неприятно скрипучим.

– Если сумеешь, живи, – выдохнув чем-то кислым, произнес человек и, размахнувшись, бросил ребенка подальше от занимающейся пламенем постройки.

Малыш ощутил странную легкость, а цветные пятна предметов и вспышки начали стремительно улетать куда-то назад. Закончилась эта карусель тяжелым ударом о землю и болью во всем теле. Боль была настолько сильной, что Зевс не мог даже кричать. Он лежал в густой траве и беспомощно ворочался. Ему было больно, жарко, нестерпимо хотелось пить, а по телу, вызывая неприятный зуд, ползали какие-то насекомые. Один, наиболее резвый жучок ухитрился проползти прямо через центр зрачка, на краткий миг закрыв своим тельцем яркое солнце. Малыш пока не чувствовал попадающих в глаза соринки, защитная реакция должна была появиться ближе к месячному возрасту, но букашка попробовала «на зуб» его веко, и он все-таки моргнул.

Сколько времени он провел в шуршащей микроскопическими врагами зеленой колыбели, определить было трудно, ведь в столь глубоких воспоминаниях этот фактор значения еще не имел. Однако Зевс не успел умереть от жажды или голода, и его не убило палящее солнце. Ребенка вновь подхватили чьи-то руки, и он услышал спокойный низкий голос:

– Уцелеть в таком аду? Повезло тебе, малыш...

Новый человек не пах гарью или потом, а слова произносил мягко и чуть протяжно. Это Зевсу понравилось. Швырять его в кусты мужчина тоже не собирался. Это понравилось мальчику вдвойне.

– Что это спрятано у него в распашонке? – спросил другой голос, еще более приятный, потому что напоминал мамин. – Какая-то ампула?

– Лабораторная пробирка, – возразил мужчина. – Я же говорил, до взрыва это пепелище было генетической лабораторией. Что-то написано... вирус... что-то про вирус.

Мужчина развернулся спиной к солнцу, и на лицо малыша наконец-то упала благодатная тень. Теперь ему не хватало только бутылочки с водой или пары глотков молока. Зевс покоился на смутный силуэт незнакомой женщины, но кормить его она, похоже, не собиралась. А еще от нее почему-то не пахло никаким молоком.

– Дай-ка мне. По-моему, первое слово «опасность»... так... а последнее кончается на «...жения». «Опасность вирусного заражения»? Ого! А ведь этот сосуд открыт! У нас есть шанс подцепить какую-нибудь экспериментальную заразу?

– Возможно, – согласился мужчина. – Подержи-ка ребенка, я свяжусь с Центром Службы спасения.

Он осторожно передал мальчика спутнице и отошел куда-то в сторону, вновь покинув поле зрения Зевса. Женщина держала ребенка неуверенно, и молоком от нее точно не пахло.

– Наверное, нам будет лучше поехать в больницу? – спросила она чуть громче, чем прежде.

– Взгляни на малыша, он ведь жив и здоров, – донеслось откуда-то издалека. – Надпись на пробирке еще не означает, что в ней что-то было. Лучше возьми себя в руки и займись ребенком, это будет полезно для вас обоих...

Зевс увидел, как над ним склоняется улыбающееся, хотя и немного испуганное лицо белокурой женщины. И улыбку, и испуг он определил по косвенным признакам. По тому, как расплзлись в стороны очертания ее пухлых щечек и по особому наклону головы. Она осторожно положила мальчика на сгиб левой руки и слегка покачала.

– Ну, и как тебя зовут?

Зевс, естественно, не ответил, но мягкие руки женщины частично сняли боль и каменную тяжесть в животе и груди. Ребенок почувствовал, что снова может кричать, и тут же воспользовался этим талантом, огласив пепелище звонким воплем...

1. Марс. 11.06.3242 г. Воины

– Флагман ударной эскадры вызывает крейсер «Разрушитель». Туркин, прикрой «Москву» и «Гордого», они начинают высадку десанта...

– Приказ понял, выхожу на стационарную орбиту, – вместо капитана откликнулся первый пилот крейсера.

Алексей Туркин, капитан корабля, лишь молча кивнул и бросил задумчивый взгляд на проекцию боевого экрана. Должность не обременяла его никакими обязанностями. За работой всех систем любого космолета, согласно инструкции, следил исключительно первый пилот. Слишком стремительно развивались космические баталии, чтобы тратить время на передачу приказов от одного человека другому. Пилот и кибермозг – вот все, что требовалось для эффективного управления, как одноместным истребителем, так и громадным крейсером. Все остальные члены экипажа выполняли либо вспомогательные, либо чисто номинальные функции. Ни одна боевая машина классом выше фрегата не имела права выйти в космическое пространство без присутствия на борту Воинов, но в то же время ни один Абсолютный Воин не был ее пилотом. Исключение составляли тайные операции, которые проводились на относительно небольших кораблях-разведчиках. Там Воинам приходилось садиться за штурвал самостоятельно.

Сейчас от Туркина ничего подобного не требовалось, и он мог спокойно прокрутить в голове детали предстоящей операции. Особых проблем Алексей не предвидел. Похожие полицейские акции Воины проводили уже не один раз. И акции эти всегда проходили успешно и без существенных потерь. Нынешний рейд отличался довольно крупным масштабом оперативных мероприятий; в нем участвовали целых два линкора, пять крейсеров и три десятка кораблей помельче, но принципиальных отличий от предыдущих карательных экспедиций все-таки не было. Сначала атака на заградительные спутниковые системы и отражение отчаянных, но бесполезных ударов истребителей сил планетарной самообороны. После – стремительная высадка десанта при поддержке штурмовиков и орудий тяжелого флота. Следующий этап – быстрый захват стратегически важных объектов и уничтожение главарей восставших, а затем качественное прочесывание местности и аресты инакомыслящих. Во главе каждого батальона полиции обычно стоял Воин, а потому эффективность прочесывания оказывалась стопроцентной. Последним номером в программе стояли поточные судебные процессы. Виновным начисто стирали память, сочувствующих лишали воспоминаний об определенной части сознательной жизни, а случайных людей просто отпускали. Впрочем, опыт подсказывал, что на восставших планетах таковых было гораздо меньше, чем того хотелось Диктатору, да и любому из Воинов.

Усмирять голодранцев с восставших планет для гордой касты идеальных солдат было унижительно. Мало того, что подобные акции не приносили ни единого грана пользы для военной науки, они еще и обесценивали звание Абсолютного Воина. Туркин, например, был твердо убежден, что учился воевать с реальным, равным по силе врагом, а не разгонять толпы повстанцев. Однако против мощи государственной армии не смела выступить ни одна корпорация, а потому достойного противника Воинам не находилось уже много лет. Члены могущественного ордена изнывали от скуки, но присутствия духа не теряли. Они просто не умели этого делать. Мало того, что все люди, носившие синий мундир Воина, были титанами, то есть представителями нового, совершенного народа, они считались еще и лучшими среди своих же братьев и сестер. Туркин не любил бахвальства и никогда не был снобом, но даже он соглашался с тем, что по уровню физического, да и умственного развития титаны стоят на пару ступеней выше простых людей, а Воины на ступень выше прочих титанов. Это подтверждала не только новейшая история, но и реалии жизни, хотя в истории примеров было все же больше. В последнее время доказывать свое превосходство от титанов не требовалось. Все шестерни могучей

государственной машины были идеально притерты и смазаны. Социальные пирамиды стояли, как каменные. Экономические схемы работали надежно. Электроника единого киберпространства, дающего населенным планетам яркий виртуальный дизайн и все мыслимые блага, тоже не сбоила. Экипаж, состоящий из ордена во главе с Советом и правительства во главе с Диктатором, вел машину уверенно и в нужном направлении. Мелкие недоразумения, вроде недовольства отдельных людей какими-то недочетами или ворчания все тех же людей на тему неравных возможностей, в сравнении с титанами, в расчет можно было не брать. Диктатура процветала, заплывая благодушным жирком и, чтобы не заснуть, развлекала себя пышными празднествами.

Когда, отправляясь в поход, Воины покидали столицу Солнечной системы – Титан, там полным ходом шли приготовления к празднованиям по случаю пятисотлетия освоения планеты. Ежегодный карнавал назывался Днем Снятого Шлема и, кроме реализации потребности народа в веселье, преследовал еще и политико-просветительские цели. Обязательные для этого праздника мероприятия были призваны напомнить всем гражданам о том, кто и почему в этом мире единственный хозяин.

Историческое обоснование праздника было солидным и романтическим. Пять сотен лет назад атмосфера Титана стала пригодной для дыхания. Это сделали предки титанов, для которых вопрос разделения промыслов на божий и кесарев утратил не только актуальность, но и малейший смысл. Превращение безжизненных планетоидов Солнечной системы, а также планет по всей Галактике, в пригодные для жизни оазисы и заселение их человеческими клонками стало для них повседневным трудом. Алексей всегда подозревал, что его прадеды назывались титанами вовсе не в честь превращения спутника Сатурна в пригодный для жизни мир. Предки понимали, что отнимают работу у богов и, возродив имя народа, обиженного в свое время обитателями Олимпа, решили взять реванш. Надо сказать, что получалась у них подобная работа как нельзя лучше, и они выполняли ее с большим удовольствием. Титанов никто и никогда не заставил бы отказаться от главного дела их жизни. Даже Воины, не зная других забот, кроме совершенствования военного искусства, с молоком матери впитывали потребность в созидании. Это было заложено в них, словно подкорковая программа. Где бы ни оказался титан, на какую бы планету он ни высадился, первый вопрос, который приходил ему в голову: насколько реально превратить найденный геоид в маленькую или большую копию Земли? Неудивительно, что люди прекрасно сознавали, насколько не годятся таким суперменам даже в подметки. В мире титанов их роль была чисто вспомогательной. Принести, унести, родить. Сытое, приземленное существование. Без стремления к недостижимым вершинам. А к чему им были эти сложности? Для покорения пиков были рождены не люди, а титаны. Так уж распорядилась могущественная эволюция, и не человеку с ней было спорить...

Высшее предназначение титанов подтверждалось не только тем, что им оказывались по силам воистину грандиозные дела. Не в счет было даже всеобщее народное преклонение и обожание. Главное заключалось во множестве индивидуальных возможностей сверхлюдей. Яркими примерами эволюционного лидерства титанов являлись огромная физическая сила, высокий интеллект, мужество и обилие паранормальных способностей. Этот солидный багаж позволял лучшим из них выдержать три тысячи сто один труднейший экзамен Академии и, получив мундир Воина, приложиться к Чаше Жизни. После таких испытаний избранные титаны становились действительно непобедимыми и мудрыми солдатами, уже совсем непохожими на людей, которые спокойно жили на планетах, не задумываясь о том, как устроено государство и почему стабильно развиваются все его разбросанные по Галактике колонии. Воины принимали на себя ответственность за все, от неурожая на засушливых планетах Пояса новых земель, до разрешения сложнейших судебных, экономических или научных споров в любой точке освоенного пространства. Слово Воина было почти равносильно слову Диктатора, и никто из простых смертных не смел его ослушаться.

Проанализировав эту мысль, Туркин усмехнулся. По большому счету, где-нибудь на краю Ойкумены мнение Воина было даже более весомым, чем мнение правителя, живущего на столичном Титане. Ведь первый всюду успевал собственной персоной, а Диктатор мог появиться лишь в виде виртуального образа. Натуральный кулак почему-то всегда более убедителен, чем его объемное изображение, переданное за тысячи светолет по гиперсвязи.

Очень быстро среагировали Воины и в этот раз. Причина нынешнего похода была, как всегда, банальной. Марсианская корпорация «Спектр» утратила контроль над горнодобывающим комплексом «Юг-9». Рабочие, решив, что их труд оценивается недостаточно высоко, сначала устроили бессрочную забастовку, а затем перешли к решительным действиям. Они уговорили нескольких генералов из сил планетарной самообороны влиться в стройные повстанческие ряды и выступили с весьма дерзкими заявлениями о национализации своего предприятия и создании независимой республики. Туркин прекрасно понимал, откуда в головах восставших появились такие крамольные мысли. Их вдохновлял пример Ио. Год назад эта малая планета сумела выклянчить у Диктатора относительную независимость и даже ухитрилась наладить торговые отношения с правительством Солнечной системы. Однако «вдохновленные» марсиане не учли одного обстоятельства. Того, что они живут на Марсе. Прекрасно обустроенной, богатой ресурсами и просто престижной планете. В отличие от «четверки», бесполезный, постоянно бурлящий от мощных вулканических процессов спутник Юпитера не мог компенсировать затрат на проведение против него карательной акции. Добыча ископаемых на поверхности Ио была делом для особо отважных энтузиастов, а не промышленных корпораций. Рисковать жизнью Воинов и дорогостоящей космической техникой ради поддержания своего авторитета Диктатор считал иррациональным, а потому просто махнул на гордых республиканцев рукой. Возможно, принятие такого решения было политическим просчетом, но с момента объявления независимости Ио прошло не так уж много времени, и выводы делать было рано. К тому же Туркин знал по собственному опыту, что ошибается Диктатор крайне редко. Если он решил, что оставить бунтовщиков в покое будет выгоднее, чем гоняться за ними по всей системе, значит, так оно и было. Во всяком случае, в среде придворных и Воинов жест правителя расценили как весьма искусный политический ход, а опытных стратегов в этом славном сообществе было хоть отбавляй. Туркин невольно усмехнулся собственным мыслям.

«Неужели они все-таки просчитались? Сначала Ио, теперь Марс, а что дальше?»

Ответить на эти вопросы Воин не успел. «Разрушитель» вышел на позицию, и по всему кораблю разлился мелодичный сигнал боевой тревоги.

– Что там, внизу? – поинтересовался Туркин у пилота. – Злодеи еще не капитулировали?

– Сопротивляются, – ответил офицер. – Вот взгляните на экран систем наведения. Видите посадочные модули с «Москвы»? Их пытается расстрелять зенитная батарея вон из-под того бронированного купола.

Угловатые и тупорылые модули успешно прошли сквозь заградительный огонь и опустились на поверхность планеты, в опасной близости к позициям неприятеля. Для крупных зенитных орудий место высадки десантников было практически мертвой зоной, и теперь по модулям работали только вспомогательные батареи. Обстрел не мог причинить вреда самим челнокам, но существенно затруднял передвижения десанта. В бортах кораблей уже давно открылись люки, из которых выползли длинные аппарели, но солдаты по ним не спускались. Даже малые зенитные орудия были слишком мощными для индивидуальной силовой защиты. Инфантерии следовало помочь.

– Вижу, – равнодушно кивнув, ответил пилоту Туркин. – Дай простой залп по центру купола.

– А мы не навредим десанту? – осторожно спросил пилот. – Отраженным лучом.

Воин молча взглянул на помощника, и тот виновато пожал плечами. Залп из четырех лучевых орудий действительно не принес атакующим силам «никакого вреда, кроме пользы».

Купол взорвался довольно эффектно, но ни осколки брони, ни куски взметнувшейся к небу породы до посадочных модулей не долетели. На месте оборонительного сооружения бунтовщиков осталась лишь глубокая воронка. Туркин предвидел именно такой результат. Переключив внимание с экрана наведения на тактическую проекцию, он наблюдал за действиями десанта, уже откровенно скучая. Высадка шла, как на показательных выступлениях. Ведомые Воинами солдаты разворачивались в цепь и стремительно уходили на северо-восток. Их односторонние боевые магнитопланы двигались четким строем, периодически поплеывая огнем из курсовых орудий в бегущую по всему фронту толпу плохо вооруженных и абсолютно неподготовленных к войне горняков. Фактически бунт был уже подавлен. Прочесать местность, найти среди пленных главарей восстания, «промыть» им мозги и проконтролировать возобновление на комплексе «Юг-9» обычного трудового процесса было делом техники. Туркин вздохнул и покачал головой. Зачем Диктатор послал на такое пустячное задание целую эскадру, Воину было непонятно. Тем более что до начала Дня Снятого Шлема – главного государственного праздника – оставалось всего двенадцать стандартных часов и солдатам полагалось чистить блины, готовясь к торжественному маршу по главной площади Титана, вдоль трибун Дворца.

«Возможно, это и есть ответ на мой вопрос, – пришло в голову Алексею. – Чтобы никто не усомнился в могуществе государства, периодически следует устраивать парады с демонстрацией военной техники. Этот рейд чем не парад? Армия Солнечной системы во всей красе. Удивительно мудрый у нас правитель».

Туркин снова усмехнулся. Точнее, «Армия Диктатора во всей красе». Так следовало называть наступающую по поверхности Марса войсковую группу. Ведь, воюя против жителей Солнечной системы, считаться их же армией она не имела никакого права.

– Алексей, – на мысленную связь с Туркиным неожиданно вышел один из Воинов, участвующих в планетарной операции. – Ты на своем корабле?

– Где же мне быть, Жора? – откликнулся Воин. – А ты гонишься за отступающим врагом? Смотри, далеко не улетай, не то опоздаешь к торжественному маршу.

– Что мне марш? – собеседник рассмеялся. – Главное – успеть к банкету и последующей за ним оргии!

– Так тебе и позволили устроить оргию прямо во Дворце! – возразил Туркин.

– У меня есть секретные сведения, – заверил Георгий. – Угадай, от кого?

– Если сведения касаются приготовлений во Дворце, то от Купавина, – предположил Алексей.

– Вот именно! – Собеседник придал мысли восклицательный оттенок. – Ты же знаешь, как его любит мадам Сычева, фаворитка Диктатора. Он в курсе всех тонкостей подготовки. Нам будет устроен роскошный прием, а тем, кто участвовал в этом рейде, выделят почетные места за столом правителя.

– Не было печали, – Туркин вздохнул. – Стыдно за такой «подвиг» получать почести.

– Излишне ты совестливый, – с осуждением заметил Георгий. – Все еще мечтаешь о настоящем деле?

– А ты – нет? – удивленно спросил Алексей. – В таком случае ты большая сволочь, Ямата. Кто заразил меня этой тоской по героическим сражениям? Разве не ты?

– Когда это было! – протянул Ямата. – Ты еще вспомни, как мы с тобой в Академии изучали центр Галактики, выискивая враждебные цивилизации через оптический телескоп. Детство давно уже в прошлом, Алексей. Пора взрослеть.

– Учту, – заверил Туркин. – Ты, собственно, зачем меня вызывал?

– Хотел тебе показать одну забавную вещь, – ответил Ямата. – Возьми в прицел левый фланг нашего строя. Видишь сооружение в километре прямо по курсу?

– Вижу, – ответил Алексей. – Что это за крепость?

– Крепость и есть, – подтвердил Ямата. – Построена со знанием дела и отменным художественным вкусом. Ты не мог бы стереть ее с лица планеты?

– В принципе нет проблем, – с некоторым сомнением ответил Туркин, – но я не уверен, что это действительно военный объект. Пока по твоим солдатам никто оттуда не стрелял.

– А ты хочешь, чтобы нас для начала как следует потрепали? – удивился соратник. – Тогда, быть может, ты спустишься с небес и лично возглавишь мой левый фланг?

– Но вдруг это мирный объект? – продолжил упорствовать Алексей. – В моей разведсводке нет никаких упоминаний о крепостях такого экзотического вида.

– Что ты за упрямец?! – взорвался Ямата. – Ты не веришь собственным глазам?! Пошли все эти разведсводки подальше!

– Прежде всего я проведу сканирование информационных полей объекта, обработку эмоционального фона и все прочие процедуры, а после приму решение, – твердо ответил Туркин. – И не кричи на меня, узкоглазый!

Последнюю мысленную фразу он добавил вовсе не из желания обидеть товарища. Такие пикировки между друзьями еще по Академии были в порядке вещей. Ямата, в ответ на заявление Алексея, представил себе довольно неприличную, схематично прорисованную сценку с участием Туркина в пассивной роли, но возражать против его намерения не стал.

До крепости наступающим линиям боевых машин оставалось пролететь не более трех сотен метров, когда Алексей наконец выдал Ямате резюме:

– Это гражданский объект.

– Ты уверен? – Жора мыслил с оттенком недоверия. – Я отчетливо вижу лучевые и протонные пушки на его башнях. Они вот-вот откроют огонь, а ты говоришь, что это гражданские?

– Это имитация, – подтвердил свою первоначальную версию Туркин. – Марсиане просто хотят казаться более сильными, чем есть на самом деле. Всем этим бутафорским оборонительным комплексом управляет древний квантово-плазменный компьютер, а личный состав изображают десять или двенадцать детишек. Они таким образом наивно пытаются помочь повстанцам.

– Детишки? – Ямата замешкался. – На самом деле? Такие маленькие и сопливые?

– Ты что, никогда не видел детей? – Алексей рассмеялся.

– Какие, к черту, дети?! – ворвался в их беседу мысленный возглас еще одного из участвующих в операции Воинов. – Компьютер моего магнитоплана выдает сигнал о том, что я попал в прицел протонного орудия! Туркин, драть тебя некому, испари эту крепость немедленно!

– Говорю персонально тебе, Семенов, это имитация! – повторил Алексей. – Я, конечно, беспринципный и безжалостный Воин, но стрелять по расшалившимся детям не стану!

В этот момент ментальный спор троих Воинов был прерван неожиданным и, с точки зрения Туркина, невероятным событием. Откуда-то из-за правого угла игрушечной крепости ударил вполне реальный залп протонных пушек, и примерно десять магнитопланов, получив серьезные повреждения, покинули строй наступающего воинства.

– Твою мать! – уже в радиоэфире заорал Семенов. – Туркин, гаси эти горелки, не то нас сейчас запекут в фольге, как буженину!

Алексей был настолько поражен случившимся, что промедлил лишнюю секунду, и на призыв Воина первым откликнулся капитан крейсера «Гордый». Он дал несколько усиленных залпов, и мелкие останки «крепости» разметало в стороны на пару километров.

– Семенов, – смущенно позвал Туркин, тоже выходя в радиоэфир на боевой частоте. – Ты живой?

– Я-то, конечно, живой, – мысленно откликнулся Воин. – Но трое моих солдат отдали концы на месте, а еще пятеро собираются сделать это в самое ближайшее время. Я тебе не судья, Алексей, но обделался ты по полной программе. Жди теперь пряников, как минимум, от самого Диктатора.

– А как максимум? – тоскливо подумал Туркин.

– От господ бога, – пояснил Семенов.

– Что-то мне не нравится эта ситуация, – вмешался в их мыслеобмен Ямата. – Сканирование ты провел, фон обработал, показания магнитного резонатора зафиксировал, радиолот показал, что оружия в здании нет. Так?

– Так, – удрученно согласился Алексей. – Все верно. Десять маломерных человеческих теней, автономный компьютер, пара локаторов и никакого оружия.

– Кто же тогда стрелял в моих солдат? – возмущенно спросил Семенов.

– Следователи разберутся, – присоединился к обсуждению четвертый Воин, капитан «Москвы». – Дай бог, чтобы стреляли не защитники крепости, а кто-то другой, отставший от общей массы бегущих повстанцев...

– Вот, – убежденно заявил Ямата. – Так, скорее всего, и было!

– Туркин и мне друг, – ответил ему Семенов, – но истина, как говорится, дороже!

Алексей вдруг осознал, что весь спор идет вокруг его действий, вернее – бездействия, и никто из соратников не упоминает о том обстоятельстве, что внутри крепости погибли не озлобленные бородатые горняки, а дети. Кто бы ни был виновен в неприятностях Туркина, этот неизвестный «герой сопротивления» в первую очередь невольно подставил бестолковых скаутов. Своих же детей. Мысль была неприятной, но еще более противным оказалось следующее размышление. Если выстрелом по наступающей цепи некто осознанно провоцировал Воинов на решительные действия против мирного населения, то ему это вполне удалось. Для привыкшего к собственной непогрешимости титана мысль была достаточно революционной, но он прекрасно понимал, что такая «подставка» более чем возможна.

– Даю сигнал отбоя, – отвлекая Воинов от мысленной беседы, заявил в радиоэфире командующий операцией. – «Гордый», высадить полицейские подразделения. Остальным – идти на базу. Разбор полетов проведем после праздника.

2. Титан

Восьмой этаж сто девятнадцатого сектора экваториальной зоны никогда не отличался строгостью нравов и дремотным спокойствием, которые были присущи верхним этажам многоуровневого всепланетного города. Впрочем, это было общее свойство уровней под номером восемь на всей планете Титан. Формированию этого свойства сильно способствовало незавидное высотное положение «восьмерок». Ниже восьмого этажа лежал только девятый, технический, и десятый – собственно грунт, на котором в других секторах располагались перерабатывающие заводы, продуктовые фабрики и тюрьмы или моря, как под большинством южных секторов. Сто девятнадцатому в этом отношении повезло. Его участок предпоследнего уровня не был узловым и потому не требовал к себе особого внимания. Он содержал лишь периодически рвущиеся трубы подачи воздуха, тепла, воды и прочих полезных веществ. Энергетические подстанции тоже располагались в соседних секторах, протягивая через территорию сто девятнадцатого только толстые щупальца плазменных кабелей, которые и вовсе не нуждались в обслуживании. Повезло участку и с грунтовым уровнем. Там не было ни тюрем, ни фабрик, ни сырости. Все почвенное пространство сектора занимало западное крыло Общегражданского кладбища. В экваториальной части планеты не было места тише и покойнее. На толстом слое синтетического земного грунта росла самая настоящая трава и даже невысокие деревья. Тропинки между могилами были выложены свинцовыми пластинами, а под потолком уровня, против правил, всегда светило целых два ультрафиолетовых прожектора вместо одного. Довольно частые в этом раю туристы, прогуливаясь по кущам выросшего на натуральных органических удобрениях сада, зачастую испытывали непреодолимое желание остаться здесь навсегда. Предприимчивые администраторы тут же предлагали им незанятые пока участки, а представители погребальных контор наперебой советовали обратиться в свое агентство, как, несомненно, самое лучшее на планете, и заранее составить договор об оказании ритуальных услуг. В результате десятый уровень постепенно превращался из кладбища в зону отдыха. Пока еще живые владельцы участков с огромным удовольствием приходили на свои будущие могилы. Расстелив коврики, или прямо на траве, они предавались блаженной медитации среди чуть слышно шелестящих деревьев, под щедрыми лучами двух неутомимых «солнц». Соседство с усопшими никого при этом не смущало.

Выше восьмого уровня все было тоже не так уж скверно. Там располагались типичные «спальные районы». Чем ближе к поверхности, тем они считались престижнее, а значит, и жизнь текла чем выше, тем более неторопливо и благопристойно. В немалой степени это предопределялось расовым составом населения, который резко менялся, начиная с четвертого уровня, и простые люди становились меньшинством. Большую часть проживающих здесь граждан составляли рядовые титаны, не добившиеся в жизни особых успехов. Но наиболее спокойным и шикарным был, конечно, первый уровень. От всего остального «нижнего» мира его отделял этаж разнообразных контор, учреждений и деловых центров. Обитатели поверхности, почти поголовно титаны, никогда не спускались ниже делового уровня, и снова исключение составлял злосчастный восьмой!

Да что тут говорить, даже полицейский участок сто девятнадцатого сектора был знаменит тем, что располагался не в деловом квартале, как это практиковалось в большинстве южных районов, и не на одном из спальных уровней, как в северных областях. Он был расчленен на две равные части, одна из которых контролировала уровни с седьмого по первый, а другая пыталась держать в узде обитателей этажа номер восемь.

Сержант полиции Джемисон остановил свой магнитоплан у крыльца самого шикарного особняка на первом уровне, а следовательно, и во всем секторе. Неприятные мысли, навеянные участием накануне в усиленном рейде по восьмому этажу, тут же отступили, и на лице

полицейского появилась привычная улыбка. Джемисон служил давно, и этап «обкатки», когда его, молодого офицера, в первый же день службы бросили на усмирение жителей «восьмерки», закалил его характер навсегда. С тех пор он лишь изредка бывал в проклятой зоне, но каждый раз по возвращении из рейда благодарил судьбу за то, что она не дала ему застрять во втором, нижнем, отделении полицейского участка навсегда. Теперь его патрульная территория лежала под открытым небом, в пределах богатых кварталов первого уровня, и это было наилучшим поощрением для честного служаки. Ему завидовали даже те, кто уже получил звание лейтенанта, но остался работать внизу. Да, если честно, ему завидовал даже капитан второго отделения. Он не раз говорил, что готов поменяться с Джемисоном местами, не раздумывая ни секунды. А виной всему был проклятый восьмой уровень – по меркам, например, заповедной и патриархальной Земли – целый город, состоящий из притонов, игорных домов и заведений, предлагающих увеселения самого сомнительного свойства.

Сержант подошел к двери, но не настолько близко, чтобы сработали системы идентификации. Прежде чем вступать в разговор с обитателями дома, следовало выбросить из головы лишнее и вспомнить все имеющиеся в запасе вежливые обороты речи. Скорее всего, дверь должна была открыть служанка с немного смешным, но милым именем Кукла, но – чем черт не шутит? – к Джемисону мог выйти и сам хозяин. Такое случалось очень редко, но все же случалось. От мысли о том, что может столкнуться с хозяином дома, сержант слегка оторопел. Он нервно вытер взмокшие ладони о брюки и застегнул верхнюю пуговицу мундира. По отцу сержант тоже был титаном, но этот факт ничуть не приближал его к невидимой грани, за которой сверкало бриллиантами и шуршало натуральным шелком недосыгаемое светское общество. Родиться титаном на Марсе или Земле означало автоматически стать полноправным членом местной элиты. В столице всего приходилось добиваться потом и кровью. Простым титанам путь к заоблачным вершинам постоянно преграждали дети высших сословий. Впрочем, большинство вполне устраивали второстепенные роли низших государственных чинов и независимых специалистов.

Титаны, даже полукровки, конечно, могли бы проявить волю и добиться в своей жизни большего, но им очень редко удавалось совладать с наследственно скверным характером. Вспыльчивость и неуживчивость были словно компонентами их крови. Начальники из таких граждан получались, а вот сотрудники – нет. Даже в полицию, учитывая эту общую для всех титанов черту характера, принимали не энергичных и боевых, как можно было бы предположить, а наиболее уравновешенных.

Для титана Джемисон был просто флегматиком, а потому был назначен на самый ответственный в секторе пост. И все равно, рядом с хозяином шикарного особняка сержант чувствовал себя пигмеем. Достижения полицейского не шли ни в какое сравнение с тем, чего сумел добиться этот титан – Абсолютный Воин Туркин.

Встретиться с именитым соседом было для полицейского великой честью. Ведь именно проживание таких важных персон и определяло место района во всепланетном Списке престижа. В сто девятнадцатом секторе, правда, жил всего лишь один такой человек, но в соседних-то не было ни одного! Этим выдающимся обстоятельством все обитатели участка страшно гордились. Жителям центральных секторов их поведение могло показаться смешным, ведь их кварталы были просто переполнены знаменитостями. Однако, например, весь Южный полюс серьезно завидовал таким районам, как сто девятнадцатый. Южане от зависти нервничали и все свободное время напряженно размышляли над вопросом, чем же лучше множества прочих квартал, избранный тем или иным выдающимся титаном. На почве таких размышлений в мэриях и барах районов, обделенных высоким вниманием, даже затевались нешуточные массовые дебаты. Об этом Джемисону рассказывал один из младших братьев, работавший в полицейском участке сектора семьсот два.

Немного уняв нервную дрожь, сержант шумно выдохнул и сделал шаг в зону идентификации.

– Добрый рассвет, сержант Джемисон, – вежливо произнес домашний компьютер. – Госпожа Кукла сейчас выйдет.

Полицейский немного расслабился и вновь расстегнул воротничок. Кукла была дома, и, значит, встреча с хозяином откладывалась до следующего раза. Это было хорошо. Вернее – не так напряженно. Говорить с полубогом было непросто даже для такого не самого последнего представителя титанов, как сержант. Он всегда чувствовал при этом смущение и какую-то юношескую неловкость. Другое дело – служанка. По местным меркам она была, конечно, не просто домохозяйкой, а королевой домохозяек, сливками этого социального слоя, настоящей аристократкой, но держалась Кукла всегда просто и приветливо как со слугами соседей, так и с полицейскими. Видимо, потому, что была она милой, чуть застенчивой и восхитительно приятной в общении женщиной из обычной семьи, обычных людей, а никаких не титанов, даже на восьмую или шестнадцатую часть.

Джемисон почувствовал, как сладко замирает сердце, а в груди разливается теплая волна. Он всегда относился к Кукле с особой нежностью, расовые предрассудки в его кругу не приветствовались, но до сих пор так и не осмелился сказать ей об этом или выразить свое отношение каким-то другим образом.

– Пит? – удивленно и в то же время радостно произнесла Кукла, появляясь на пороге.

От звуков ее голоса у сержанта едва не закружилась голова.

– Здравствуй, – сдавленно произнес он.

– Здравствуй, – Кукла кивнула и сделала шаг в сторону. – Проходи.

– Я на минуту, – смущенно пробормотал полицейский. – Мэр попросил меня заехать и поинтересоваться у твоего хозяина, где он собирается встречать праздник? Если Алексей Борисович еще не решил, то мы хотели пригласить его на секторную церемонию...

– Боюсь, что хозяин не волен выбирать место, – с сожалением ответила служанка. – Нынешний праздник будет отмечаться весьма масштабно. Все-таки пятисотлетие Снятого Шлема. Хозяину придется присутствовать на празднествах во дворце Диктатора. Но он будет искренне благодарен за ваше приглашение и, я уверена, запланирует встретить пятьсот первую годовщину в нашей мэрии.

– Спасибо, Кукла, – Джемисон улыбнулся. – Можно, я передам твои слова мэру, как ответ самого Воина?

– А ты любитель прихвастнуть? – Служанка рассмеялась. – Хочешь представить все так, будто разговаривал с самим Алексеем Борисовичем?

– Нет, что ты! – Сержант густо покраснел, а затем, опустив взгляд, кивнул: – А в общем-то, да. В нашей среде это имеет большое значение. Я, конечно, и без того пользуюсь достаточным авторитетом – ведь патрулирую самый важный квартал сектора! Но чего стоит мое патрулирование, если я даже не вижу твоего хозяина?

– Я давно предлагала тебе познакомиться с ним, – Кукла покачала головой. – Он очень милый и спокойный человек.

– Человек? – Сержант усмехнулся.

– Конечно, – женщина пожала плечами. – Человек или титан, лично я никогда не уточняю. Хозяин, кстати, тоже. Он такой же, как ты или я. Он любит читать старые книги, слушать музыку, возиться в саду. Иногда он грустит, иногда радуется, а под настроение рассказывает удивительные истории. Когда он говорит, я просто не в силах ничем заниматься, настолько интересно его слушать.

– Может быть, ты просто влюблена в него? – Сержант ревниво покосился на стереокартинку, которая украшала стену прихожей, слева от входной двери.

На ней хозяин дома, улыбаясь, демонстрировал самому Диктатору какие-то экзотические растения из своей оранжереи. Правитель выглядел на редкость довольным, словно Воин, перед тем как показать коллекцию, на часок ссудил ему свою прекрасную служанку. Джемисон понимал, что мыслит нерационально и все эти фантазии вызваны приступом ревности, но ничего поделать с собой не мог.

– Будь он мне неприятен, я давно бы нашла другую работу, – мягко, словно чувствуя, что творится в душе у полицейского, сказала Кукла.

– Ладно, – сержант взял себя в руки и взглянул на нее чуточку виновато. – Извини. Так я могу похвастаться?

Служанка рассмеялась и, взяв его за руки, провела в гостиную.

– Садись, сейчас будем пить чай, – сказала она.

– У меня через час... – пробормотал было Джемисон, но вдруг осекся и замолчал.

– Ничего у тебя через час не запланировано, – укоризненно качая головой, сказала молодая женщина. – Просто ты меня немного боишься, так?

Сержант судорожно сглотнул и послушно уселся в кресло.

– А хозяин? – с опаской оглядываясь на дверь, ведущую в главные апартаменты дома, спросил Джемисон.

– Он в походе, – наконец-то пояснила Кукла. – А Снайп во Дворце. Мы можем посидеть и спокойно поговорить. Разве ты не за этим пришел?

– Я хотел лично пригласить Алексея Борисовича... – начал неловко оправдываться сержант.

– Хотя мог бы оформить и выставить вежливое приглашение в информационном пространстве? – перебила его служанка. – Нет, Питер, я тебе не верю.

– А если я скажу, что появился здесь потому, что нашелся предлог? – опустил глаза, спросил полицейский. – Предлог, чтобы увидеть тебя.

– Скажи, – лукаво щурясь, предложила Кукла. – Только не забывай при этом, что я замужем и у меня есть сын.

– Я не забываю, – полицейский нахмурился. – Ты обещала чай.

– Это не отказ, Пит, – служанка, прежде чем отправиться на кухню, провела по щеке сержанта прохладными пальцами и улыбнулась, – ты мне очень нравишься, но пока для каких-либо отношений между нами не время.

– Пока не время, – словно эхо, повторил Джемисон и вздохнул. – Снайп тебя не обижает?

– Он очень боится хозяина, – ответила Кукла и прошла на кухню.

Сержант был хорошим парнем, но ему вовсе не обязательно было знать о тонкостях взаимоотношений между обитателями самого роскошного дома в секторе сто девятнадцать. Впрочем, чем старше становился сын Куклы, тем труднее было скрывать главную из упомянутых тонкостей. Иван был немного похож на мать и совсем не похож на отца, вернее – на мужа своей матери, Снайпа.

Наблюдательные друзья-соседи не раз пытались вызвать Куклу на откровенный разговор, но она всегда отказывалась, и тайна оставалась тайной. Ну, или почти тайной, ведь мальчишке уже давно стукнуло двенадцать лет, и не заметить его поразительного сходства с хозяином дома мог только слепой. Да еще Снайп, слуга и верный оруженосец Абсолютного Воина Туркина Алексея Борисовича.

– А как дела у Ивана? – Полицейский сделал глоток вкуснейшего чая и одобрительно кивнул.

– Каникулы, – женщина сокрушенно вздохнула. – Целыми днями пропадает в парке и на оздоровительных площадках. В последнее время я вижу его только по вечерам.

– Площадки – это неплохо, – заметил Джемисон. – Некоторые из его сверстников уже предпочитают всем подвижным играм восьмой уровень.

– Нет, Иван не такой, – Кукла улыбнулась. – Очень серьезный мальчик. Иногда мне кажется, что он только притворяется ребенком, а на самом деле давно уже вырос.

– Да... – Сержант взял с блюда ароматную булочку и с наслаждением откусил. – Свои дети растут незаметно. Вроде бы вот только что произнесли первые слова, а, глядишь, уже самостоятельные граждане. Моя Дина старше Ивана на год, а уже совсем взрослая девица. В этом году закончила школу.

– Так рано? – с недоумением спросила служанка.

– Учителя этому даже не удивляются, – полицейский пожал плечами. – Говорят, что практически все дети-титаны готовы сдать выпускные экзамены хоть завтра, просто они не видят в этом особого смысла.

– Сами дети не видят? – по-прежнему удивленно уточнила Кукла.

– Я же говорю, они страшно самостоятельны, – ответил Джемисон. – И отчасти это меня беспокоит...

3. Дворец

Дворцовая площадь была единственным местом на всем Титане, где небо соприкасалось с землей, а бегущий по орбите спутник-солнце согревал не только верхний уровень, но и почву планеты. Животворные ультрафиолетовые лучи, в субэкваториальном поясе почти всегда прямые и горячие, в этот день казались особенно приятными и ничуть не обжигающими. Двенадцатое июня, День Снятого Шлема, был единственным днем в году, когда на площадь допускались все желающие. Поэтому простые жители планеты, редко бывавшие на первых этажах в течение года и не видевшие неба по триста с лишним дней, ждали праздника с огромным нетерпением. Они бесстрашно выходили на площадь без головных уборов и за два дня празднований успевали наряду с массой впечатлений получить серьезные ожоги лица и солнечные удары. Ведь праздник начинался по часам земных тихоокеанских островов, а заканчивался по часам Дворца Диктатора. Время Титана было почти синхронизировано с земным, и «солнце» сатурнианского спутника двигалось по орбите малой планеты примерно с той же скоростью, с какой вокруг своей оси вращалась Земля, но все же некоторая разница во времени была. На родине предков пока еще наступало утро одиннадцатого. Кстати сказать, что и праздник двенадцатого июня там отмечался немного другой: День Государства. Эти мелкие разногласия воспринимались жителями столицы как незначительные погрешности при переводе с языка землян на язык титанов. Никто из последних даже на секунду не задумывался о том, что в действительности никакого перевода не существует. На обеих планетах говорили на едином языке, просто земляне из последних сил пытались доказать, что никакие новые столицы не смогут стать важнее прародины человечества. По мнению большинства придворных, поза, в которую становились земные аристократы, была нелепой и смешной. Видимо, поэтому на праздник Снятого Шлема никогда не приглашались гости с Земли. Как говорится, чтобы «не смешить народ»...

А народ между тем желал как раз веселья и каких-нибудь интригующих зрелищ. Высочайшее соизволение Диктатора пустить своих подданных на площадь, чтобы они полюбовались небом и солнцем, было как бы первым, официальным номером в развлекательной программе, и очень скоро этого становилось недостаточно. Обычно в этот переломный момент толпа, так сказать, разделялась «по интересам». Кто-то напивался, кто-то начинал танцевать и петь, а наиболее настырные принимались штурмовать увеселительные заведения Дворца.

Нынешний праздник разворачивался по привычному для всех сценарию, разве что с большим, нежели обычно, размахом.

Ярусы Дворца, открытые со стороны площади и потому представляющие собой как бы гигантский срез всепланетного города, были украшены виртуальной иллюминацией и гирляндами живых цветов. Насчет того, что цветы были натуральными, многие сомневались, но взобраться хотя бы на девятый уровень дворцовых трибун, чтобы рассмотреть благоухающее великолепие вблизи, не удавалось пока ни одному смельчаку. Высота каждого этажа составляла около ста метров. Впрочем, народ это не смущало. Площадь была полна отчаянных людей, намеренных веселиться до полной потери сил, и подступы к Дворцу походили на растревоженный муравейник. Толпа жаждала веселья и хотела видеть потакание своему желанию со стороны элиты. Избранные, в свою очередь, хотели веселиться и видеть, что народ доволен своими лидерами. Желания совпадали, и гармония с каждой минутой и рюмкой становилась все более яркой и выразительной.

С различных поднебесных ярусов людям то и дело махали руками Воины и вельможи. Придворные дамы периодически подходили к перилам балконов и бросали в бурлящую толпу цветы, правда, делали они это с приличной высоты, этажа с седьмого, и кому адресовались подарки, было неясно. С традиционно развеселого уровня номер восемь, где бесперебойно звучали музыка и смех, на землю снисходило не только благословение, но и периодически спуска-

лись разряженные в шелка актрисы фривольного жанра. Такая жертвенность придворных гетер вызывала у обывателей бурю восторга. Впрочем, дворцовые феи никому особых услуг не оказывали, ограничиваясь раздачей воздушных поцелуев. Покружив в золоченых креслах-магнитопланах над головами возбужденных простолюдинов, они вновь взмывали на свой недостижимый уровень, и снующим по площади горожанам оставалось лишь завистливо вздыхать. Они замирали в неудобных позах с запрокинутыми головами и пожирали глазами такой заманчивый и аппетитный срез дворцового «пирога». Три нижних уровня, – вот все, что было доступно взглядам любопытных зрителей. Отстойник гигантского Дворца, этажи, вроде бы открытые постороннему глазу, но вместе с тем – спрятанные за объемными лазерограммами рекламы, идущими на балконах виртуальными представлениями и непристойными шоу. Уровни, сочащиеся весельем и источающие терпкий аромат утонченного разврата...

Снайп вполне мог войти в приемный модуль и подняться на восьмой этаж, пользуясь статусом оруженосца – званием, ради получения которого многие рядовые титаны могли бы продать душу дьяволу, – но его останавливала глупая и уже давно бесполезная верность Кукле.

С тех пор как супружеская пара устроилась на службу к нынешнему хозяину, минуло больше тринадцати лет, и за эти годы жена ни разу не подпустила законного супруга к себе ближе чем на полметра. Поначалу Снайп просто бесился от ревности и уязвленного самолюбия, затем пытался наладить взаимоотношения, принося Кукле подарки и оказывая особые знаки внимания, но закончилось все, как и должно было закончиться. У Куклы родился сын, в зачатии которого Снайп не принимал ни малейшего участия. Это окончательно выбило обманутого мужа из колеи, и он поплыл по течению, продолжая верой и правдой служить тому, кто разрушил всю его жизнь. В душе оруженосца не было ненависти, была лишь обида. Хозяин относился к нему хорошо, но ни разу даже намеком не показал, что сожалеет о содеянном. Или что хотел бы – конечно, будь он простым смертным – извиниться за то, что разрушил семью и похоронил светлое будущее самого верного на свете слуги. Впрочем, Снайп вовсе не был уверен, что смог бы простить обидчика, а потому извинится Туркин или нет, роли не играло.

Оруженосец остановился у лотка с аппетитными бутербродами и заказал себе «двойной Сатурн»; сдобренный луком и перцем, многослойный, как Дворец, и ароматный, как выпечка Куклы, гамбургер. Получив из рук не слишком трезвого продавца закуску, Снайп тяжело вздохнул и покосился на ассортимент предлагаемых лоточником напитков. Хозяин не приветствовал употребление слугами алкоголя, но на время праздника он и сам обычно становился весьма неразборчивым дегустатором крепких жидкостей, а потому оруженосец с чистой совестью мог пить все, что заблагорассудится. Догадавшись о причине замешательства клиента, продавец молча налил в два пятидесятиграммовых стаканчика нечто из лишенной этикеток бутылки и, подавая пример, в два глотка осушил тот, что стоял ближе. Лицо лоточника исказила настолько отвратительная гримаса, что у оруженосца тут же отпали всякие сомнения. Он выпил предложенную гадость и тут же, не закусывая, потребовал налить еще.

– Водка, – наконец-то пояснил продавец. – Самая лучшая. Контрабанда с Земли. С подпольных заводов Харбина.

Опрокинув подряд три рюмки внешне безобидной, но на деле страшной этиловой смеси, Снайп почувствовал себя значительно лучше. Душевная боль ушла, вернулся здоровый аппетит, а с ним и потребность радоваться жизни. Снайп жадно проглотил бутерброд, выпил еще одну рюмку и, окончательно взбодрившись, двинулся к входу во Дворец. Охранники знали оруженосца в лицо и потому пропустили его к лифту без возражений. Слуга вошел в сверкающую металлом кабину и решительно ткнул пальцем в сенсор номер восемь. Лифт плавно воспарил над забитой простыми людьми площадью и послушно замер на требуемом уровне. Двери раскрылись, и Снайп оказался в благоухающем раю. Во всяком случае, так ему показалось.

Едва оруженосец сделал шаг в направлении ближайшего бара, как его подхватили под руки и потянули куда-то в глубь квартала две роскошные девицы. Жрицы любви были одеты

в прозрачные, развевающиеся без помощи ветра платья и затейливо повязанные вокруг плеч праздничные трехцветные шарфы. В раскрепощенном алкоголем мозгу Снайпа мелькнула мысль о том, что цвета государственного флага на плечах гетер выглядят двусмысленно, но сразу за первой пришла мысль-контраргумент. Государство было достойно того, чтобы его символика использовалась в качестве украшения именно самыми неблагочестивыми гражданами. Как выяснилось, оруженосец произнес эти слова вслух, и дамы, резко сменив курс, со смехом потащили кавалера к подножию огромной лазерограммы Диктатора. На нормальных уровнях подобные бесплотные скульптуры изображали правителя задумчивым, размышляющим о благе Солнечной системы и ставились у входа в мэрию. Здесь же у объемной диктаторской проекции вид был довольно непривычный. Можно даже сказать – неприличный. Диктатор стоял с бокалом в руке, а взгляд его был весел и устремлен в сторону одного из казино. На губах правителя играла похотливая улыбка, а между широко расставленных ног скульптуры находился вход в самый шикарный бордель на всем Титане. Снайп мысленно подсчитал, в какую сумму обойдется ему час активного разврата в стенах этого заведения, и немного протрезвел. Настойчивые девушки, быстро сообразив, в чем заключается причина замешательства спутника, рассмеялись еще громче и упорхнули обратно к лифту. Оруженосец тоскливо посмотрел им вслед и вздохнул.

– Возьми, – раздался за плечом Снайпа незнакомый голос. – Сегодня нельзя отказывать себе ни в чем. Это повеление самого Диктатора.

Слуга обернулся и увидел, что перед ним стоит высокий светловолосый мужчина в дорогом костюме. Если бы по долгу службы оруженосец не знал в лицо практически всех Абсолютных Воинов, то мог бы подумать, что видит одного из них. Человек протягивал Снайпу золотую монету и улыбался. Слуга смерил его взглядом и недоверчиво прищурился. Золотой кредит мог содержать в себе до тысячи условных единиц, и разбрасываться такими монетами на Титане было не принято.

– Сколько в ней осталось? – стараясь выглядеть невозмутимым, спросил Снайп.

Если на диске было записано менее двухсот единиц, он собирался гордо отказаться. Не так уж он был беден, чтобы принимать милостыню.

– Это полная монета, – по-прежнему улыбаясь, заверил незнакомец. – Отдохни как следует.

– Но почему вы решили отдать ее именно мне? – удивился слуга. – Ведь мы даже незнакомы.

– Ты – Снайп, – ответил человек, – оруженосец Алексея Туркина. Твой хозяин еще не вернулся из похода, и, значит, денег у тебя немного. Ведь Алексей никогда не дает тебе аванс, даже накануне Дня Шлема. Так?

– Да, – подтвердил слуга. – Хозяин рассчитывается со мной строго по первым числам каждого месяца.

– А в этом месяце ты потратил значительную сумму на лечение, – продолжил неизвестный. – Ты подрался с Кабаном, когда тот обозвал твою жену «воинской подстилкой».

– Откуда вам это известно?! – Снайп стиснул кулаки и сделал шаг вперед.

– Не надо сердиться, – человек примирительно поднял руки и повертел в пальцах монету. – Я друг Алексея и потому в курсе всех событий, которые происходят в его доме.

– Хозяин не обсуждает дела своих слуг даже с Яматой, – мрачно возразил оруженосец. – К тому же я знаю всех его друзей. Вы мне лжете!

– Я вижу, алкоголь придал тебе смелости? – Мужчина снисходительно потрепал слугу по плечу и опустил золотой диск в карман его форменной куртки. – Пользуйся.

– А как я объясню хозяину происхождение этих наличных? – Снайп нахмурился и беспокойно ощупал карман.

– Скажешь ему правду, – незнакомец развел руками. – Никаких секретов, никакого тайного смысла. Мне просто захотелось сделать приятное, если не самому Туркину, так хотя бы кому-то из его близких. Если ты не возражаешь, я хотел бы еще послать букет цветов твоей жене. Ведь она тоже достойна этого праздника.

– Она здесь? – оруженосец воровато оглянулся.

– Нет, – мужчина снова рассмеялся, – она дома. В этом я убедился лично. Когда я проходил мимо вашей усадьбы, то увидел, что у крыльца стоит полицейский магнитоплан. Это меня обеспокоило, и я подошел поближе. Ты не волнуйся, ничего страшного не произошло. Оказалось, что участковый просто заглянул на чашку чая. Хотя на твоём месте я бы относился к таким визитам более внимательно. Кукла очень привлекательная женщина. В один прекрасный момент ты можешь остаться без жены. Кроме того что ты оруженосец моего друга, я уверен, верный и честный, ты еще и хороший человек. Только страшно одинокий. Если ты хочешь поделиться с кем-то своими проблемами, сделай это здесь и со мной. Ты почувствуешь небывалое облегчение, поверь мне. Уж я-то знаю...

Говоря все это, неизвестный смотрел Снайпу прямо в глаза, и оруженосец постепенно погружался в некое подобие транса. Собеседник был отличным парнем. Оруженосец ощущал это всем сердцем. Ведь только по-настоящему добрый и равнодушный человек мог так тонко чувствовать, что творится на душе у простого слуги, и не только чувствовать, но и разделять все его тревоги и сомнения. Но главное, неизвестный явно никуда не спешил и был готов выслушать любую исповедь оруженосца. Какой бы длинной или скучной (или то и другое вместе) она ни была. У Снайпа теперь появились деньги, и он просто не имел права не угостить этого великодушного незнакомца выпивкой. Слуга смахнул навернувшуюся от избытка чувств слезу и, бесцеремонно схватив мужчину за рукав, потащил его к бару. Неизвестный не стал сопротивляться и охотно проследовал в избранное оруженосцем заведение.

Спустя минуту они уселись за столик, и Снайп заказал бутылку страшно дорогого вина. Ему хотелось так много рассказать новому другу, что он начал свою речь, даже не дожидаясь, когда официант выполнит заказ.

– Если бы вы знали, как мне иногда бывает обидно! За тринадцать лет службы я ни разу не говорил с хозяином по душам. А почему? Разве я плохой человек или никчемный тупица, с которым не о чем поговорить? Я никогда его не подводил, всегда выполнял указания с точностью робота, я был верен ему все эти годы, как собака! И где благодарность? Не регулярное и предсказуемо прогрессирующее жалованье, а слово. Простое слово, например, «спасибо» или короткая похвала, вроде «молодец, Снайп, сегодня ты сделал все лучше, чем обычно». Неужели это трудно?

Официант принес вино и разлил его по бокалам. Собеседники выпили, налили снова, и оруженосец продолжил свой монолог. Его не смущало, что собутыльник преимущественно молчит, лишь изредка поддакивая и кивая. Слугу не смущало также то, что он не может остановиться, а взгляд его почему-то прикован к поблескивающему в огнях праздничной иллюминации горлышку стеклянного сосуда с вином. И тема беседы с каждой минутой становится все более узкоспециальной – не о жизни самого Снайпа, а о делах хозяина. Снайп не замечал, как летит время, как сменяются посетители бара, как у самого столика танцуют стриптизерши. Он говорил и говорил, словно точно знал, что ему больше никогда не представится возможность излить душу человеку, который так хорошо его понимает. Человеку без имени, но от этого не менее приятному в общении, чем любой из близких друзей или даже Кукла.

Вспомнив о жене, Снайп оставил тему служебных дел хозяина и вновь переключился на трудности личной жизни.

– Ведь я люблю ее до сих пор! – заявил он громче обычного и поднял взгляд на собеседника.

Как ни странно, напротив него за столиком никого не оказалось. Оруженосец удивленно повертел головой, но незнакомца так и не обнаружил. Слуга лихорадочно проверил карман и, убедившись, что заветная монета на месте, немного расслабился.

– Сбежал? И черт с тобой! – Он обиженно втянул голову в плечи и осоловело моргнул. – Хоть половину выслушал, и то ладно. Прощаю.

Сделав этот благодушный вывод, Снайп прочертил кредитным диском по поверхности стола короткую полосу и, прихватив недопитую бутылку с собой, вышел из бара. Поскольку прятал в карман золотую кредитку он слишком медленно, о его богатстве успели узнать все, кому не лень, и за дверью бара слугу мгновенно окружили женщины. Он придиричиво осмотрел своих новых подружек и, прогнав одну за то, что она была похожа на Куклу, пригласил оставшихся продолжить веселье в длинной галерее заведений восьмого дворцового уровня.

Как только компания во главе с расхрабрившимся оруженосцем смешалась с морем развеселого народа, из-за покинутого Снайпом столика поднялся его недавний собеседник.

– Ваш приятель поступил не слишком вежливо, – заметил проходивший мимо официант. – Встал, забрал вино и, не прощаясь, ушел...

– Разве он не расплатился? – спокойно спросил мужчина, перехватывая взгляд служителя.

– Даже с чаевыми, – пожимая плечами, ответил официант.

– В таком случае, какое вам дело до того, чем закончилась наша встреча? – задал новый вопрос человек.

– Никакого, – согласился служитель, и в его глазах тут же угас всякий интерес к произошедшему.

Мужчина удовлетворенно кивнул и вышел из бара. Оказавшись на улице, он, в отличие от Снайпа, направился не в сторону прочих развлекательных заведений, а к лифтам. Дождавшись пустой кабины, он едва заметно оглянулся и нажал кнопку первого уровня. Автоматика проверила биополе и рисунок сетчатки его глаз, и лишь после этого лифт скользнул вверх. На первый этаж Дворца без подобной проверки попасть было невозможно. Как, впрочем, и с ней, если только у желающего не было так называемого «нулевого допуска». То есть если он не являлся Воином, министром, вельможей или же самим Диктатором.

4. Прием

Невысокий – по меркам титанов человек активировал голографическую кибермаску и покинул свое временное убежище. В бесплотном костюме и маске он выглядел типичным слугой какого-нибудь придворного бездельника. Кроме того, в распоряжении человека имелся временный кадетский пропуск, так что стать объектом повышенного интереса со стороны охраны он не опасался. Из служебной комнаты было два выхода: прямо в зал для приемов и в длинный коридор, который выводил к лифтам для персонала. Дворцовая охрана уже проверила коридор и теперь рассредоточилась среди прибывающих в зал гостей, а значит, путь к лифтовым кабинам был свободен. Человек, осторожно ступая, приблизился к запертым на время приема дверям расположенной рядом с лифтами лестницы и прислушался. Эта часть южного крыла второго дворцового уровня была пуста. Человек ввел в систему секретный код, и блокировка дверей временно исчезла. В распоряжении «слуги» теперь было ровно десять минут. Он заранее изучил расположение нужных помещений и потому двинулся вверх по лестнице без малейших колебаний. На первом уровне у лестницы дежурили кадеты Академии, но человек миновал их пост не задерживаясь. Будущие Воины проводили его равнодушными взглядами и отвернулись к площадке голопроектора. Над ней уже повисло объемное изображение репортажа о ходе празднований Дня Шлема, который вел один из развлекательных инфоканалов. «Слуга» потратил ровно минуту на то, чтобы добраться до нужной двери, и, переключив кибермаску в новый режим, вошел в комнату.

Помещение было пустым и являлось копией недавно покинутого убежища. Разница между подсобками состояла лишь в том, что первая располагалась на уровне номер два, а вторая на поверхности, причем ее левая стена одновременно являлась стеной кабинета самого Диктатора. Обычно в тайной комнатке дежурили телохранители, но сегодня они, сами не зная почему, решили ее просто запереть, применив для этого стандартный код.

Человек приблизился к стене и провел по ней рукой. Теплый на ощупь пластик стал прозрачным, и взгляду «слуги» открылось убранство кабинета. Находившиеся в нем люди не знали, что за ними наблюдают, ведь прозрачность стены была односторонней. Они продолжали свой разговор, не подозревая, что их слышит кто-либо посторонний.

– Это платье меня не полнит? – не отрывая взгляда от огромного зеркала, спросила женщина. Человек вспомнил ее фамилию и усмехнулся. Для его целей эта фрейлина подходила как нельзя лучше.

– Ты восхитительна, – ответил ей Диктатор.

Он был уже наряжен в свой мундир и теперь просто ждал приглашения от распорядителя, коротая время за партией в шахматы. На женщину он даже не взглянул.

– Прием, как всегда, будет длинным и скучным? – едва слышно шепнул человек.

– Прием, как всегда, будет длинным и скучным? – полувопросительно заявила женщина.

– Ты же знаешь, традиции не подлежат резким изменениям, – отрывая взгляд от доски, ответил Диктатор.

– Но ведь можно сделать так, чтобы стало веселее, и не отступая при этом от традиции, – подсказал человек.

– Можно сделать так, чтобы стало веселее, и не отступая при этом от традиции, – зачарованно повторила фрейлина.

Диктатор с интересом взглянул на женщину и усмехнулся.

– У тебя есть идея?

– Пусть Воины приведут с собой на прием каких-нибудь дам, – шепнул «слуга». – Мне кажется, это не запрещено их уставом?

Фаворитка Диктатора повторила фразу, и правитель окончательно утратил интерес к шахматам.

– Ты сама до этого додумалась? – иронично поинтересовался он.

– А что? Разве это плохая идея? – немного обиженно спросила женщина.

– Нет. Чем больше красивых женщин, тем ярче праздник, в этом я с тобой согласен, – ответил Диктатор. – Просто раньше я никогда не замечал за тобой склонности к гениальным озарениям.

– Вы думали, что я обычная раскрашенная пустышка? – теперь уже с серьезной обидой в голосе проговорила фрейлина.

– Нет, – правитель подошел к женщине и обнял ее за плечи. – Не сердись, я поступлю так, как ты предложила. Это действительно хорошая идея, и она ничуть не противоречит протоколу.

Человек в маске взглянул на светящиеся над запястьем цифры. Чтобы вернуться до того, как автоматика снова заблокирует выход на нижний уровень, ему следовало поспешить. Он провел по стене ладонью и, когда она снова стала непрозрачной, бесшумно покинул тайную комнату.

Оказавшись на втором уровне, полном гостей, вельмож и слуг, человек отключил кибермаску и неторопливо побрел в то крыло Дворца, где располагалась резиденция ордена. Это было единственное место, откуда можно было свободно выйти, когда начнется церемония. Ведь после ее начала многое должно было измениться. В первую очередь – действующие коды доступа во все помещения. Человек не знал этого точно, но так подсказывала логика. Какой еще могла быть реакция охранных систем на сигнал боевой тревоги?..

– Кто это там? – Ямата придержал Алексея за рукав и махнул рукой в сторону служебного входа в покои Диктатора. – Мне показалось, что твой Иван.

– Откуда ему здесь взяться? – Туркин внимательно посмотрел в указанную сторону, но за плотной толпой приглашенных на прием к Диктатору гостей никого не увидел. – Я не давал ему пропуска.

– Возможно, его провел кто-нибудь из кадетов, – предположил Георгий.

– Иван не общается с ребятами из Академии, – возразил Туркин.

– Значит, я ошибся, – сделал вывод Ямата. – Где все наши?

– Семенов в зале, – продолжая движение по течению толпы, ответил Алексей. – Да и остальные уже, наверное, подтянулись.

Перед десятком распахнутых дверей поток празднично одетых титанов разделился на несколько рукавов и влился в просторное помещение главного зала Дворца.

Тронный зал был настоящим шедевром виртуального дизайна. Модные в текущем сезоне решения в стиле античной росписи сочетались с традиционными изображениями боевых машин всех времен, начиная с катапульта и заканчивая линкорами звездного флота. К длинным столам приглашенные проходили через голограмму, изображающую шлюз первого космического крейсера Земли, легендарного «Суворова». Официанты, провожавшие каждого гостя к его месту за столом, были разряжены в голографические костюмы воинов самых разных стран и эпох. Напудренные букли прусских офицеров то и дело мелькали среди голубых касок миротворцев или рогатых шлемов викингов. Гости были одеты более современно, хотя парадные мундиры Воинов в сравнении с костюмами придворных щеголей выглядели безнадежно старомодными. В этом не было ничего удивительного, ведь покрой парадной одежды утверждал еще Первый Воин, более тысячи лет назад. С тех пор она оставалась, пожалуй, единственной реликвией ордена, не претерпевшей изменений. На этом, ссылаясь на завещание Первого, настаивал Совет, и никто за все долгие годы существования ордена Абсолютных Воинов так и не сумел изменить этот пункт Устава. Даже нынешний правитель, будучи не только полномост-

ным хозяином Солнечной системы и колоний, разбросанных по всей Галактике, но и Верховным главнокомандующим, не смог переубедить этот влиятельнейший орган. Впрочем, Диктатор был слишком умен, чтобы ломать копыта по такому непринципиальному вопросу. К тому же сам он Воином не был и потому носил мундир обычной регулярной армии, несравненно более удобный и красивый. С точки зрения придворных дам.

Воины, чинно занимая свои места за столами, негромко обменивались мнениями о том, насколько отличается организация праздника от всех предыдущих постановок. Чаще всего они сходились во мнении, что все идет в соответствии с привычным сценарием. Единственное отличие от прочих празднований заключалось в том, что буквально за час до банкета, сразу после торжественного марша, личный секретарь Диктатора, жеманный и напомаженный юноша, объявил о желании правителя видеть всех приглашенных Воинов в сопровождении дам. Этот приказ застал большинство членов боевого ордена врасплох. Из трех сотен Воинов едва ли десяток имел семьи, причем почти все они встречали праздник на Земле. Немного проще было тем, кто предпочитал бытовое одиночество. Обзавестись случайной спутницей можно было гораздо быстрее, чем привезти жену с далекой Земли. Но все равно, найти за час достойную пару оказалось задачей не из легких.

– Маразм какой-то, – выдал оценку ситуации прямолинейный Семенов. – Где я сейчас откопаю подругу, да еще в вечернем платье? На кладбище?

– Выбери на площади, – посоветовал ему Ямата. – А платье – не проблема. Виртуальные ателье работают круглосуточно.

– Хочешь, чтобы меня засмеяли? – возмутился Воин. – Бесплотные костюмы – удел слуг!

– Ты-то здесь при чем? – иронично спросил товарищ. – Если засмеют, то твою избранницу. Я думаю, что для любой из красоток восьмого уровня ирония со стороны придворных дам не станет даже минимальным препятствием на пути к славе. Каждая девушка из предметья мечтает о счастье попасть во Дворец больше, чем о замужестве. Тем более что проникнет она сюда официально, под ручку с Воином, да еще на прием к самому Диктатору.

– Самодуру и деспоту, – недовольно добавил Семенов и покачал головой. – Почему мы его терпим?

– Потому что он наш Главнокомандующий, – спокойно ответил Ямата.

– А ты, наверное, уже присмотрел себе пару? – Семенов взглянул на товарища с подозрением. – Оттого ты такой невозмутимый?

– Ямато, – многозначительно произнес товарищ.

– Что, Ямато? – не понял Семенов.

– Племенной союз, с которого три тысячи лет назад зародилось японское государство, – вместо Воина пояснил присоединившийся к собеседникам Туркин. – В переносном смысле – символ национального духа.

– А если совсем без иносказаний? – Семенов скривился.

– Ему все по барабану, – снисходительно добавил Алексей. – Верность сегуну и потакание всем его заскокам для настоящего самурая – дело чести.

– Для меня честь русского офицера тоже не пустой звук, но всему есть свои разумные пределы, – попытался возразить Семенов.

– Ты теряешь время, – с осуждением сказал Туркин. – Знаешь ведь, что возмущаться бессмысленно.

– Знаю, – Семенов вздохнул и, махнув рукой, пошел к лифту. – Вот найду сейчас самую уродливую старуху, будет вам всем веселье!

Друзья проводили Воина сочувственными взглядами и рассмеялись.

– Лейла, – протягивая Туркину руку, предположил Ямата.

– Или Наташа, – соглашаясь на пари, ответил Алексей. – В том борделе, куда обычно наведывается Семенов, выбирать особо не из кого.

– Ну а ты с кем будешь? – Японец хитро прищурился. – С Куклой?
– Чтобы после приема мое имя еще год склоняли во всех дворцовых закоулках?
– Ты считаешь, что ваша связь для кого-нибудь секрет?
– Нет, я поступлю как раз так, как ты предложил нашему кавалергарду, – Алексей упрямо нахмурился. – Выйду на площадь и приглашу первую попавшуюся девицу.
– Тогда идем вместе, – после недолгого молчания предложил Ямата. – А то со вкусом у тебя иногда случаются форменные провалы.
– Ты о ком? – удивился Алексей.
– О невесте Попова, – пояснил товарищ.
– Вспомнил тоже! – Туркин присвистнул. – Это же был эпизод!
– После которого Попов так расстроился, что провалил предпоследний экзамен и вылетел из Академии, – добавил японец. – Не стыдно?
– За давностью лет –нисколько, – ответил Алексей. – А почему ты об этом вспомнил?
– Не знаю, – Ямата пожал плечами и подтолкнул друга к выходу. – Идем. Осталось всего сорок минут, а избранниц предстоит отмыть, разодеть и закамуфлировать.
– Может быть, сразу мытые попадутся? – с надеждой предположил Алексей.
– На площади, после целого дня жаркого праздника? – Ямата покачал головой. – Вряд ли...

Хитрый японец нашел себе пару буквально через два шага после того, как Воины вышли «в народ». Как бы случайно, у самых дверей дворцового шлюза стояла и скромно переминалась с ноги на ногу очаровательная девушка восточной наружности. Алексей не верил в случайности, тем более такие откровенно липовые. Кроме того что между Яматой и его будущей спутницей мгновенно установилось полное взаимопонимание, девица была еще и наряжена в натуральное вечернее платье.

– Сволочь ты, желтолицый, – спокойно сказал Туркин, пожимая между тем руку подружке товарища. – Знал же, что все так сложится, почему меня-то не предупредил?

– Информация пришла по неофициальным каналам, – как всегда, не обижаясь, пояснил Ямата. – Пока тебя распекали за происшествие на Марсе, я подслушал, как Диктатор отдает свое гениальное распоряжение Купавину. Вот Анна и успела.

– Не обижайтесь на Георгия, – очаровательно улыбаясь, попросила Анна. – Он и о вас позаботился. Видите вон ту девушку, стройную, рыженькую? Это моя подруга. Если она вам нравится, я ее позову. Позвать?

Алексей проследил за жестом Анны и увидел теоретически невозможное сочетание платонической мечты и эротических фантазий. Подруга была настолько хороша собой, что Туркин кивнул еще до того, как приятельница Яматы закончила говорить.

– Где здесь ближайший магазин дамского платья? – вместо ответа спросил он.

– Виртуального? – с улыбкой поинтересовалась Анна. – Впрочем, дайте угадаю. Судя по вашей реакции – нет?

– Натурального, – согласился с ее предположением Алексей. – Одевать такую девушку в голографические проекции мне не позволит совесть.

Когда Воины со своими дамами вновь заняли отведенные протоколом места за праздничным столом, до начала церемонии оставалось около пяти минут. Практически все приглашенные уже вернулись в зал, и помещение сразу же приняло действительно торжественный вид. Туркин окинул взглядом гостей и признал, что в отсутствие дам мероприятие можно было назвать как угодно, но только не торжеством по столь значительному поводу, как пятисотлетие Снятого Шлема. Алексей покосился на свою подругу и невольно расплылся в горделивой полуулыбке. Ни одна фаворитка или придворная дама не годилась его сопровождающей в подметки. Такие девушки встречались лишь на Земле или Марсе, да и то очень редко. Жительницы Титана могли быть очень милыми, симпатичными, даже красивыми, но ни одна из них

не была прекрасна. Кроме Татьяны. Новой знакомой Алексея Туркина. Тот факт, что Алексей обошел всех своих товарищей, был признан даже любимцем слабого пола Горичем, напарником Яматы по патрульным рейдам. В активе ловеласа Драгана было немало побед над самыми неприступными придворными красавицами, поговаривали, что ему не смогла отказать даже мадам Сычева, фаворитка самого Диктатора, но сегодня неотразимый Горич был просто убит наповал.

– Туркин, ты осознаешь, что превысил свои полномочия? – радуясь за товарища и одновременно завидуя ему, спросил Воин.

– Подойдешь к ней ближе чем на десять шагов – вызову на поединок, – предупредил его Алексей. – Не все же тебе звезды с неба хватать.

– Таких сверхновых в моей астрономической коллекции еще не было, – признал Драган. – Как надоест, дай мне знать.

– Горич, ты же орел, а не стервятник, – укоризненно качая головой, вмешался в их разговор Семенов. – Найдешь себе другую красотку. Нечего за Туркиным крохи подбирать.

– Ты, как я понимаю, намерен сделать это сам? – Драган рассмеялся. – Хитрец!

Беседу Воинов прервали фанфары. Шум в зале мгновенно стих, все приглашенные встали и развернулись к главному входу, откуда должен был появиться Диктатор в сопровождении свиты придворных и эскорта из десяти наиболее отличившихся в прошедшем году Воинов. Алексей перехватил короткий взгляд Яматы и смущенно улыбнулся. В первом ряду эскорта должен был идти именно он, но досадное происшествие на Марсе вычеркнуло Туркина из почетного списка и отбросило его фамилию в третий десяток.

Фанфары прозвучали вновь, но двери, ведущие в покои правителя, так и не открылись. Туркин удивленно взглянул на Ямату, затем перевел взгляд на Горича и Семенова. Все Воины сохраняли спокойствие, но было заметно, что их, уже опытных участников подобных церемоний, незначительная на первый взгляд задержка с выходом Диктатора серьезно озадачила. В рядах придворных послышались робкие шепотки, что тоже не предвещало ничего хорошего.

Фанфары прозвучали в третий раз, и гостям стало окончательно ясно, что за дверями произошло нечто необычное. День Снятого Шлема, да еще юбилей, репетировался многократно, причем в пяти или шести репетициях принимал участие сам правитель. Что могло помешать проведению четко спланированной церемонии, оставалось лишь гадать.

– Надо выйти на Купавина, – переключаясь на мысленную связь, заявил Алексей.

– Ему сейчас не до нас, – ответил Семенов. – Я уже попытался пробежаться по его мозговому лабиринтам. Он блокирует контакт.

– Значит, дело серьезное, – предположил Туркин.

– Не факт, – возразил Ямата. – Кто в эскорте?

– Из нашего округа только Купавин, но он занят, – подсказал Семенов. – Остальных я знаю формально. Выходить с ними на ментальный контакт вне боевой обстановки будет не по правилам.

– Кто знает, какая там обстановка? – подумал Туркин и взглянул на Горича. – Драган, может быть, сходишь?

– Без приказа я не стреляю, – негромко возразил Горич вслух. – Сейчас придет распорядитель и все нам доложит. А уж после мы решим, наступать или нет на покои родного правителя.

– Я схожу, – вызвался Семенов. – Какой толк стоять столбами вокруг столов? Ни тебе выпить, ни закусить. В конце концов, не расстреляют, а попасть на будущий год в эскорт я все равно не имею даже призрачных шансов, поскольку вечный «залетчик». Что мне терять?

Воины выразили товарищу мысленное согласие и на всякий случай связались с другими присутствующими в зале военными. Способны к мыслеконтакту были только Воины, поэтому всем офицерам регулярной армии пришлось кое-что объяснять вслух. Специальные

термины делали эти переговоры практически зашифрованными, но все же некоторые из вельмож поняли, что Воины обеспокоены. Волнение тут же охватило всех приглашенных, и зазвучавшие после вторых фанфар шепотки превратились в тихий ропот. Тысячи взглядов остановились на спине Семенова, который неторопливо подошел к дверям и осторожно приоткрыл старинную, подвешенную на петлях створку. Гул голосов на мгновение стих. Воин заглянул внутрь диктаторских покоев, но тут же отпрянул назад и осторожно закрыл дверь.

Семенов не оборачивался, но, судя по тому, как напряглась его спина, затянутая в плотную ткань парадного мундира, он был готов к самым серьезным неприятностям. Туркин и прочие Воины отчетливо различали, как вокруг их замершего у двери товарища разливается почти неразличимая дымка, а коротко стриженный затылок Семенова под действием силового поля меняет структуру.

«Перехожу в боевой режим», – пронеслась по залу мысль Воина.

Этот сигнал был фактически командой «К бою!». Все Воины тотчас активировали силовые поля, а также ускорили свои нервно-мышечные реакции и мыслительные процессы до уровня, недоступного пониманию обычного человека.

– Оружие не взяли, – с досадой подумал Горич.

– Кто бы тебя сюда впустил в боевой экипировке? – ответил Ямата.

– Вот так, – вновь объявился в мысленном эфире Семенов. – Шли на пьянку, а попали в большую задницу. Знаете, соратники мои, что там, за воротами?

– Марсиане? – предположил Туркин.

– Открытые ворота гипертоннеля! – Семенов приложил к вербальной мыслеформе отчетливую картинку. – По-моему, у нас сперли Диктатора.

– С одной стороны, давно пора, – смело подумал Горич, – но с другой – непорядок. За такие шутки полагаются аплодисменты из пушек главного калибра. Надо срочно собирать Совет.

– Прямо в мыслеэфире, – дополнил его предложение Туркин.

– Верно, – поддержал его Семенов, – чтобы не тратить время на лишние телодвижения.

– Спокойно, товарищи Воины, без суеты, – неожиданно вмешался в беседу Купавин, глава диктаторского эскорта. – Мы успели уйти на второй уровень. Тоннель развернулся точно на пути следования эскорта и очень согласованно по времени – ровно за минуту до нашего появления в коридоре, но на него случайно наткнулись двое мальчишек из кадетского корпуса. Они сразу же предупредили дворцовую охрану. Теперь, благодаря сообразительности юных кандидатов в курсанты Академии, Диктатор вне опасности.

– Почему же тоннель не закрывается? – удивленно спросил Ямата. – Если акция провалилась, злодеям следовало хотя бы сохранить секретность расположения рубежа атаки.

– Видимо, противника это не беспокоит, – предположил Купавин.

– Или он желает, чтобы мы вычислили исходный рубеж, – добавил Туркин. – Провоцирует нас на подвиги.

– Сначала их совершит разведывательная техника, – заявил Ямата. – Инженеры отправят зонд. А после того, как он вернется, мы и решим, «кто виноват» и «что делать»...

5. Слухи

– Прямая трансляция из Дворца, – бодрым голосом объявил диктор и сделал шаг в сторону.

Кукла тотчас окунулась в атмосферу праздника, который по активности не уступал извержению небольшого вулкана. Вокруг передвигались объемные фигуры веселящихся людей, мелькали разноцветные огни иллюминации и вспышки фейерверков. Служанка выбрала для телепутешествия самый загадочный и недостижимый в прочие дни первый уровень. Из сотен тысяч граждан, допущенных не просто на дворцовую площадь, а в саму обитель Диктатора, ее интересовал лишь один. Он должен был находиться в зале для торжественных приемов. Кукла потребовала от виртуального оператора войти во внутренние покои, но изображение почему-то замерло перед закрытыми дверями и диктор вежливо пояснил, что доступ в зал временно прекращен.

Служанка повторила попытку, но результат остался прежним. За спиной Куклы послышалось вежливое покашливание, и ей пришлось отвлечься от просмотра программы. У порога, на площадке компьютерной связи стоял объемный лазерографический фантом Розы, служанки придворного артиста Галкина, дом которого располагался по соседству.

– Вы видели? – возбужденно спросила соседка. – Зал закрыли для посещений! Разве не удивительно?

– Возможно, прием еще не начался, – Кукла пожала плечами.

– Я удивляюсь вашему спокойствию! – возмутилась Роза. – Разве такое когда-нибудь случалось? Прием начинается либо вовремя, либо никогда! Там, несомненно, что-то произошло! Я уже разговаривала с Лианой, а еще с Петром Ивановичем, они только что вернулись с площади. Представляете, через три минуты после начала приема солдаты внутренней армии вышли на площадь и предложили всем отдыхающим разойтись. Представляете?! А Волга Сидоровна по секрету сказала, что среди гостей правителя оказался шпион бунтовщиков. Ему едва не удалось совершить покушение на Диктатора! Поэтому сейчас в зале и отключены все камеры, а Воины проверяют остальных гостей на принадлежность к тайным организациям.

– Шпион бунтовщиков? – Кукла не любила сплетни, Розу и всех прочих болтливых соседей, но из-за мягкости характера всегда их выслушивала. – Каких именно? С Ио?

– С Марса, голубушка! Разве вы не знали, что ваш хозяин перед самым праздником вернулся из похода на Марс? – Роза, казалось, была очень довольна тем, что ей известно так много свежих новостей. – Мне по секрету рассказала Ираида Карловна. Ее муж служит сержантом в отряде Воина Горича. Ведь это приятель вашего хозяина? Так вот, во время подавления бунта на Марсе произошло нечто ужасное! – Соседка перешла на шепот. – Говорят, Воины уничтожили целый город! Вместе с женщинами и детьми! Теперь марсиане желают отомстить правителю.

– Воины не могли этого сделать, – уверенно ответила Кукла.

– Кто из нас без греха? – Роза вздохнула. – У меня нет оснований не верить Ираиде Карловне. Воины, умышленно или случайно, спровоцировали марсиан, и они попытались ответить ударом на удар.

– Как же бунтовщики сумели за такой короткий срок внедрить своего агента в окружение Диктатора? – резонно спросила Кукла.

– Садовник министра Чериша, Филипп, сказал, что шпион проник во дворец с кем-то из Воинов, под видом сопровождающего!

– Воинов сопровождают только оруженосцы, – заметила Кукла и тут же добавила: – А их подбирают очень тщательно. Предавать такие люди не умеют.

– На этот раз, говорят, все было по-другому, – продолжая громко шептать, завершила соседка. – Всех Воинов, по приказу Диктатора, сопровождали дамы. Уж не знаю, что это были за девицы и где их подцепили наши доблестные герои, но именно среди приглашенных женщин и нашлась ядовитая змея. Слава всевышним силам, Воины успели разглядеть опасность и спасли Диктатора!

– Откуда вы все это знаете? – напряженно размышляя о словах Розы, спросила Кукла.

– Генрих, швейцар внутренних покоев Дворца, рассказывал Филиппу, а он пересказал это Ираиде Карловне, как эскорт успел спрятать правителя на нижнем уровне буквально за минуту до роковой встречи Диктатора со шпионкой. Ведь по протоколу Воинам следовало представить своих дам правителю, и как раз на этот момент была запланирована... акция.

– А кто конкретно привел с собой шпионку? – чувствуя, как замирает сердце, спросила Кукла.

– Этого пока никто не знает, – Роза пожала плечами.

– Можно войти? – прервал их беседу громкий мужской голос.

– К вам пришли гости? – соседка загадочно улыбнулась. – Ну, не буду мешать.

– Нет, это... – попыталась оправдаться Кукла, – я пока даже не знаю, кто это...

– Понимаю, – Роза расплылась в сладчайшей улыбке и отключила связь.

Кукла огорченно покачала головой и обернулась к появившемуся на пороге мужчине.

– Нет ничего хуже, чем соседка-сплетница, – с сочувствием произнес незнакомец. – Добрый вечер, госпожа Кукла, я друг вашего хозяина.

– Добрый вечер, – ответила служанка. – Простите, но я вас никогда не видела рядом с моим хозяином.

– Это не ваша вина, – заглядывая Кукле в глаза, сказал мужчина. – Ведь ваше внимание обращено только на него, великого Воина, и это правильно. Вы его верная служанка и подруга, вы прекрасная мать и отменная хозяйка. Любой человек мог бы мечтать о такой спутнице жизни, но, увы, вы принадлежите лишь одному. Воину. Титану. Мужчине. Я преклоняюсь перед вашими несомненными достоинствами. Я завидую вашему хозяину белой завистью...

Кукла слушала пришельца молча и сосредоточенно. Она понимала, что происходит нечто странное, но была не в силах сопротивляться гипнозу простых, но в то же время каких-то завораживающих слов незнакомца. Ее взгляд остановился, а сознание заволокло туманом. Незвестный склонился над превратившейся в живое изваяние женщиной и негромко спросил:

– Каким кодом пользуется ваш хозяин для доступа в личный арсенал?

– Ну и вопросы у вас, сударь! – вместо служанки звонко ответил некто, приближаясь от входной двери.

Мужчина резко обернулся и увидел, что в доме появился новый персонаж. Это был высокий и не по годам физически развитый парнишка. При ближайшем рассмотрении становилось понятно, что это еще не юноша, а мальчик, но в руках у него поблескивал настоящий станнер, а в глазах читалась вполне взрослая уверенность в собственных силах.

– Кстати, дядя, зависть не бывает белой или черной. Она – зло по определению. – Мальчик навел оружие на незнакомца и приказал: – Убейтесь, пока я не вызвал полицию!

– Ты совершаешь ошибку, Ваня, – чуть приподнимая руки, мягко заверил мужчину.

– Для вас я Иван! – твердо отчеканил мальчишка. – Вон отсюда!

– Узнаю отцовский гонор, – непрошенный гость медленно, боком двинулся к выходу. – Только тебе не стать Воином, дружище. Ведь ты полукровка.

– Я титан, – хмурясь, заявил Иван. – И ваш гипноз на меня не подействует, можете не стараться!

«Щенок!» – мелькнула в голове пришельца раздраженная мысль.

«Сгинь!» – пришел мысленный ответ, и мужчина вздрогнул. Общаясь с простолюдинами, он никогда не заботился о том, чтобы блокировать мысленный контакт, ведь обмен соображе-

ниями на таком уровне был доступен лишь избранным. Однако этот мальчик не вписывался в привычное правило, превращая его всего лишь в тенденцию.

«Впрочем, в этом есть свои плюсы, – заблокировав ментальную связь, подумал гость. – Туркин не имел права обучать ребенка секретным навыкам вне стен Академии, а значит, это станет еще одним фактом в активе обвинения».

– Тронешь Туркина, достану из-под грунта, – серьезно предупредил мальчик уже с порога дома.

Незнакомец подозрительно покосился на Ивана, но ничего не ответил. Он торопливо уселся в свой магнитоплан и прямо с места выпрыгнул в крайний левый ряд оживленной трассы.

Когда машина неизвестного скрылась за поворотом, мальчик подошел к матери и тронул ее за рукав:

– Мам, очнись, этот злодей уже ушел.

– Ой, – Кукла удивленно оглянулась и потерла виски. – Что произошло?

– К нам забрел какой-то тип из контрразведки, – пояснил Иван. – По-моему, они пытаются собрать компромат на хозяина.

– Что собрать? – Кукла взглянула на сына с улыбкой.

– Компрометирующие материалы, – без запинки ответил мальчик. – Третья глава учебника по специальной деятельности. Я прочел эту книжку еще в прошлом году.

– Ты уже передумал? Ты не хочешь быть Воином?

– Я стану сыщиком, – уверенно ответил Иван. – Ведь я не чистокровный титан. Что толку мечтать о несбыточном?

– Какой ты уже большой, – Кукла смахнула слезу и прижала голову сына к груди. – И все равно ты еще совсем малыш. Не мечтая, ты ничего не добьешься. Став сыщиком, ты никогда не простишь себе, что так и не рискнул пройти испытания, предназначенные для Воинов. Подумай об этом.

– Но ведь я...

– Ты – титан, – перебила мальчика Кукла. – Кто бы что ни говорил. Просто тебе еще рано знать все семейные тайны.

– Ты насчет отца? – Иван усмехнулся. – Разве это тайна?

– Нет, я о другом, – мать покачала головой. – В свое время ты все узнаешь. Не от меня, так от хозяина.

– От отца, – поправил ее мальчик.

– Да, – согласилась Кукла и погладила его по голове.

В этот момент ожил домашний компьютер, а одновременно с его докладом послышался взволнованный голос:

– К вам сержант Джемисон, госпожа Кукла...

– Кукла, Иван, у вас все в порядке?!

Служанка приказала двери открыться, и полицейский вихрем влетел в прихожую. В руке у него был зажат пистолет, а на голове красовался силовой шлем.

– Где он?! – крикнул сержант, заглядывая в кухню. – Он вам ничего не сделал?

– Кто? – удивленно спросила Кукла. – Кого вы ищете, Питер?

Джемисон опустил оружие и облегченно вздохнул.

– Я волновался за вас, – ответил он, отключая шлем. – Компьютер сообщил, что в доме появился незнакомец, имевший при себе незарегистрированное оружие. Сначала я подумал, что в гости к Алексею Борисовичу пришел кто-то из Воинов, но потом понял, что всех Воинов ваш компьютер прекрасно знает.

– Это был не Воин, – пытаюсь незаметно спрятать станнер в карман, ответил мальчик.

– Иван, – Джемисон строго взглянул на парнишку, – а хозяин в курсе, что у тебя есть парализатор?

– Он сам мне его подарил, – краснея, проговорил мальчик.

– А если я обращусь за разъяснениями к «домовому»? – Сержант прищурился.

– Я должен был защитить маму, – признался Иван. – Этот незнакомец пытался ее загипнотизировать.

– Зачем? – удивился Джемисон.

– Чтобы узнать коды доступа к внутренним системам: арсеналу, стратегической связи, секретной переписке, – пояснил мальчик.

– Тебе следовало вызвать меня, – укоризненно качая головой, сказал сержант.

– Я и сам с ним справился! – гордо ответил Иван.

– Потому что этот тип не хотел поднимать шум, – возразил полицейский. – Если бы твой эмоциональный фон превысил критический порог или ты случайно выстрелил, автоматика заблокировала бы двери, и неизвестный мог оказаться в ловушке. Вот почему он предпочел оставить вас в покое и поскорее убраться. Твой станнер здесь ни при чем. Людей, владеющих специальными навыками, такими игрушками не напугать. Пожалуй, я сообщу о попытке проникновения вашему хозяину.

– Стоит ли портить ему праздник? – возразила Кукла.

– Праздник? – Сержант взглянул на служанку с недоумением. – Разве вы не знаете, что праздник уже давно закончился?

– Так это правда?! – Кукла всплеснула руками. – Во Дворец действительно пробрались шпионы?

– Ничего конкретного не говорят даже полиции, – признался Джемисон. – Я знаю лишь то, что Воины сейчас совещаются в зале для торжественных приемов, а всех остальных гостей, приглашенных на празднование к Диктатору, допрашивает контрразведка.

6. Марс

По дорожке к дому медленно брел человек. Сначала Виктору показалось, что незнакомец ошибся и свернул на тропинку случайно, настолько неуверенными были его движения, но чем ближе человек подходил к порогу, тем более знакомыми казались его движения и фигура. Наконец путник остановился в зоне идентификации, и домашний компьютер тотчас раскрыл перед ним дверь, даже не спрашивая на это разрешения у хозяина жилища. Виктор удивленно взглянул на монитор и увидел там данные проверки биополя чужака. Через весь экран красными буквами проходила надпись: «Требуется помощь». Хозяин дома, Виктор Васильев, трудился частнопрактикующим врачом, и бесцеремонность компьютера в критических ситуациях была запрограммирована им лично. Доктор быстро набросил на плечи халат и спустился из спальни в прихожую.

Уже у самого порога он наконец узнал пришедшего и почти сразу понял, почему не смог сделать этого раньше. Человек был крайне бледен, к тому же его лицо искажала гримаса боли.

– Боже мой, Стелс! Что с вами случилось?! – подхватывая гостя под руки, спросил Виктор.

– Меня подстрелили, доктор, – не разжимая зубов, процедил Стелс. – Последние два часа я живу только благодаря стимуляторам.

– Сейчас, сейчас, – Васильев усадил пациента в кресло и приказал компьютеру прислать на первый уровень дома санитаров.

Проворные роботы быстро уложили Стелса на носилки и отправили в операционную.

– Дом, проведи подготовку больного к операции и установи капельницу с физраствором. А еще вызови Габриэллу, если она успела вернуться с празднований.

– Уже сделано, док, – откликнулся компьютер, – сестра выехала. Кстати, в банке данных есть образец крови господина Стелса, синтезировать заменитель?

– Да, конечно, это будет гораздо лучше, чем вливать нейтральную жидкость, – согласился Виктор. – Предоперационная готова?

– Проходите, – разрешил дом. – Ионизация включена.

Доктор уже начал первичную обработку обширной раны в животе пациента, когда к нему присоединилась операционная сестра.

– Господин Стелс, как же вас угораздило? – Габриэлла погладила раненого по голове. – Я всегда считала, что наемные убийцы стреляют из засады и, в отличие от жертв, не рискуют получить ответный импульс, да еще в живот.

– Я бухгалтер, Габи, – морщась, прошептал Стелс. – Вы не могли бы добавить обезболивающего? Мне кажется, что я чувствую, как доктор копается в моих кишках.

– Но ведь вам не больно? – сестра улыбнулась. – Зачем же накачивать ваш ослабленный организм лишними химикатами?

– Неприятно, – ответил пациент.

– А каково нам? – буркнул Васильев. – Это у вас руки по локоть в крови в переносном смысле, а у меня сейчас – в самом прямом.

– Что же вы не приобретете работа-хирурга? – Стелс криво улыбнулся. – Будете лечить добрым словом и пилюлями, а всю кровавую работу за вас станет выполнять машина.

– И вы согласитесь лечь под нож механического эскулапа?

– Я – нет, но другие граждане считают, что роботы надежнее. Они не ошибаются, не нервничают и не болеют с похмелья...

– Во-первых, я работаю именно с такими, как вы, а не с другими гражданами, – спокойно ответил Виктор, – а во-вторых, не ошибается только камень, потому что лежит и ничего не делает. В человеческих телах встречается столько вариантов расположения, например, сосу-

дов, что перерезать вместо вены артерию для робота так же легко, как и заработать сбой в программе от перепада напряжения. И потом, в электронные мозги титановых хирургов навыки закладывают те же люди. Почему вы думаете, что они лучшие, чем я, специалисты?

При упоминании титановых хирургов Стелс вздрогнул.

– Больно? – обеспокоилась Габриэлла.

– Нет, – раненый поджал губы.

– Так кто же вас подстрелил? – на секунду отвлекаясь от операции, поинтересовался врач.

– Шейте, доктор, – ответил Стелс, – и не задавайте лишних вопросов. Для вас же будет лучше.

– Ясно, – Васильев вздохнул. – Опять криминал. Габи, вам когда-нибудь стирали память?

– Нет, но чтобы забыть жизнь с моим бывшим мужем, я готова на все, – ответила сестра. –

А вам?

– Пока нет, но у меня вот только что появилось нехорошее предчувствие.

– Так давайте бросим возиться с этим полумертвым наемником, – предложила сестра. –

А еще лучше, сразу вызовем полицию.

– Хорошая мысль, – доктор постучал карандашиком лазерного скальпеля по торчащему из раны ребру пациента. Звук получился довольно громким. – Уважаемый, как вы относитесь к нашему намерению? Будем лечиться дальше или пусть операцию продолжат тюремные хирурги-роботы?

– Я уже говорил, что не доверяю механизмам, – ответил Стелс. – А еще я говорил, что лишние знания могут вам навредить. Но если вы так настаиваете, я отвечу. В этот раз я работал не по заказу, а из патриотических соображений.

– Из каких? – Виктор снова отвлекся и удивленно взглянул на пациента.

– Я только что вернулся с юга, – признался Стелс.

– «Юг-9»? – уточнил доктор.

– Верно, – ответил раненый. – Пожалуй, я единственный, кто остался при своей памяти из всех выживших в той мясорубке.

– Я всегда говорил, что бунт на предприятиях «Спектра» обречен, – Васильев сочувственно покачал головой. – Как же вам удалось ускользнуть?

– Сам не понимаю, – признался Стелс. – Видимо, меня не напрасно прозвали «невидимкой». Когда от залпа крейсера взорвалось обороняемое моим отрядом здание, меня подхватила и швырнула в сторону взрывная волна. Я упал метрах в ста от своей позиции. В первую минуту я ничего не чувствовал, но потом в животе начал бушевать настоящий пожар. Мне удалось вовремя зажать рану и вколоть себе стимуляторы. Затем я долго полз, стараясь выдерживать направление на север, а после потерял сознание и очнулся уже в кузове машины, которая ехала с грузом каких-то пластиковых коробок в город. Видимо, я назвал водителю номер квартала, потому что он притормозил у нужного перекрестка. Так я и оказался в вашем доме, док.

– Занятно. – Виктор соединил последний участок кожного разреза и приложил к нему заживляющий компресс. – Рана была рваной и глубокой, пришлось кое-что удалить, поэтому едва заметный шрам все же останется, не обессудьте.

– Понимаю, – согласился раненый. – Как скоро я смогу уйти?

– Через сутки, когда восстановится нормальный режим работы кишечника, – заверил врач. – Я же говорю, нам пришлось многое в вас изменить.

– Сначала вы сказали «кое-что», – укоризненно заметил Стелс.

– Я так сказал? – врач рассмеялся. – Все будет хорошо, друг мой. Правда, вам придется ограничить потребление жирной пищи и некоторое время попить кое-какие пилюли. Габи, вы сможете провести эту ночь у постели господина Стелса?

– С таким мужчиной я готова провести весь остаток жизни, – игриво улыбаясь, ответила сестра. – Тем более что теперь я знаю его не только снаружи, но и изнутри.

Раненый перевел взгляд с доктора на медсестру и вымученно улыбнулся. Специфический медицинский юмор был ему не по душе.

Оставив пациента на попечение Габриэллы, Виктор поднялся к себе в спальню и, приняв душ, расположился в удобном кресле. Ему страшно хотелось выпить, но происшествие на предприятии «Юг-9» требовало трезвого осмысления, и доктор ограничился сигарой. Он с удовольствием раскурил настоящую земную «гавану» и погрузился в размышления. Переход сопротивления к активным действиям был крайней мерой, жестом отчаяния, это понимали все участники движения «За свободный Марс», но иначе привлечь внимание общественности к проблемам горняков было невозможно. На столичном Титане и сонной Земле проживало много серьезных людей, которые могли бы повлиять на ситуацию, убедив Диктатора в необходимости изменения внутренней политики «Спектра», но никто из них не имел ясного представления о бедственном положении рабочих. Теоретические рассуждения оставались бесполезным сотрясанием воздуха до того момента, когда сопротивление приняло решение о начале активного противодействия руководству и забастовки переросли в локальный вооруженный конфликт. Местная полиция ограничилась оцеплением взбунтовавшихся шахт, а для подавления восстания была вызвана армия. Когда бунтовщики узнали, что им придется сражаться с Воинами, их боевой настрой быстро пошел на убыль, но отступить было уже поздно. Теперь, после подавления восстания, сопротивлению предстояло начинать все с нуля.

Виктор приказал компьютеру установить связь по защищенной оптической линии с координационным центром и выбрал специально созданный для таких случаев фантом. Внешность и голос этого объемного изображения не имели ничего общего с оригиналом, что, впрочем, не обманывало никого из собеседников, поскольку все они знали Васильева не первый год. Однако для защиты от взглядов случайных людей подобной конспирации было вполне достаточно.

Виртуальный двойник доктора шагнул внутрь центра и подошел к главному пульту. За ним сидели двое операторов, а чуть поодаль прогуливался возбужденный координатор.

– Плохо дело, – не глядя на Виктора, проронил координатор. – На юге больше нет ни одного нашего человека. Все члены сопротивления убиты или «перевоспитаны», но, что самое плачевное, мы не добились ровным счетом ничего. У нас больше нет южной ячейки, нет самого крупного склада с оружием и не имеется никаких доказательств чрезмерной жестокости Воинов. Восстание не оправдало возложенных на него надежд. Мы даже не сможем утверждать, что оно вообще произошло. Все репортажи были перехвачены аппаратурой крейсеров, очевидцы и участники событий не помнят самих себя, а материальные свидетельства собраны и увезены солдатами. Работа шахты восстановлена и идет, как будто ничего не случилось.

– А погибшие?

– Значатся как уволенные по собственному желанию. В архиве зафиксировано, что всем им выданы рекомендации, выходные пособия и льготные билеты в самые отдаленные колонии. Проверить, прибыли они туда или нет, будет сложнее, чем обойти пешком весь Марс по экватору. Ни единой зацепки, а землянам нужны даже не зацепки, а непроверяемые доказательства. Где теперь их взять?

– У меня есть один свидетель, – сказал доктор.

– Одного мало, – координатор покачал головой. – Вот если бы его слова подтвердил кто-то еще или у нас в руках оказалась какая-нибудь запись! Станцию слежения Воины не просто уничтожили, а превратили в мелкую пыль, одним залпом прямо с орбиты, еще до того, как высадился их десант. У нас нет ни-че-го!

Последнее слово координатор произнес отдельно и с надрывом.

– Возьмите себя в руки! – приказал Виктор. – Нет, значит, будет. Мы не имеем права на отчаяние. Раз не получилось с «Югом», придется задействовать агентов и ввести в эксплуатацию резервные мощности. Сколько наших агентов сейчас прохлаждается на Титане?

– Четверо, – бросив короткий взгляд на экран компьютера, ответил координатор. – Но это наши лучшие люди. Вы уверены, что пришло время задействовать резерв?

– Уверен, – ответил Васильев, оборачиваясь к пульту. – Как идет празднование на Титане?

– Довольно странно, – ответил один из операторов. – Площадь почти опустела, а в самом Дворце царит какое-то нездоровое оживление. Сообщения информационных каналов крайне противоречивы и невняты. Кто-то говорит о заговоре с целью покушения на Диктатора, кто-то – о нападении диверсантов с Ио, значительная часть каналов намекает на ответный удар марсиан.

– Замечательно, – фантом Виктора улыбнулся. – Все-таки мы своего добились. О нас заговорили на Титане, а значит, скоро о наших проблемах услышат и на Земле. Интересно узнать, кто же нам так помог?

– Республиканцы, – предположил координатор. – Не земляне же?

– Вряд ли Ио заинтересована в обострении отношений с правительством системы, – возразил доктор. – Землянам это тоже ни к чему. Остаются наши соотечественники.

– Или жители одной из ста прочих колоний, – возразил второй оператор. – Запах свободы пьянит.

– Зачем нужна независимость, например, Роксане? – Васильев покачал головой. – Она и так не зависит от Солнечной системы. На этой планете даже нет ни одного Воина. Она прекрасно справляется со своими проблемами без ценных указаний из метрополии, а налоги для столь дальних колоний составляют просто смехотворные суммы. Рисковать ради теоретической свободы практическим благополучием роксанианцы не станут.

– Кто бы ни был нашим невольным помощником, почва для переговоров с землянами у нас есть, – заметил первый оператор.

– Пока она больше похожа на трясины, – возразил координатор. – Наши потенциальные партнеры на прародине – весьма серьезные люди. В истерические выкрики репортеров они не поверят. Максимум, чем нам помогут репортажи столичных каналов, – вызовут у землян головную боль от назойливого повторения одних и тех же слов: «Марс, покушение, ответный удар».

– Это послужит неплохой подготовкой к внушению, говорю вам, как доктор доктору, – заверил Виктор. – Когда проблема на слуху, ею легче манипулировать.

– Я инженер, – угрюмо ответил координатор. – Хотя, возможно, вы правы.

– Конечно, прав, – врач усмехнулся. – Что будет проще, говорить с человеком, который даже не подозревает о существовании Марса, поскольку прожил на Земле все свои сто лет, не зная ни забот ни хлопот, или с тем, кого уже просто тошнит от упоминания о проблемах Красной планеты?

– Оба варианта сомнительны, но я вас понял, – ответил координатор. – Мы передадим приказ агентам. Резервный план будет реализован не позднее завтрашнего утра. Если, конечно, нас снова не опередят загадочные диверсанты.

Фантом Виктора отсалютовал сразу всем трем соратникам, и вернулся в память «домового». Доктор с облегчением отключился от управления лазерограммой, встал и, разминая затекшие от долгого сидения ноги, подошел к окну. Главный город марсианского юга накрыла ночная мгла. В нем было не принято расцвечивать ночи яркими огнями иллюминации и рекламных голограмм. Больше всего марсиане ценили чистоту и неприкосновенность природы, с таким трудом навязанной Красной планете. Врач затушил сигару и приоткрыл окно. В комнату тотчас ворвались шум теплого ветра и трескотня цикад. Виктор с удовольствием вдохнул свежий воздух и прислушался. К привычным ночным звукам добавился новый. То ли шорох одежды, то ли осторожные шаги по гравийной дорожке.

Доктор взглянул на выданную компьютером экранную проекцию и с удивлением обнаружил, что его недавний пациент медленно и осторожно удаляется в сторону шоссе. Васильев перевел взгляд на часы. После операции прошло всего пятьдесят минут. Обезболивание закончилось, края раны схватились, и жизни Стелса уже ничто не угрожало, но все равно вставать ему было рано. Впрочем, «бухгалтер» прекрасно понимал, что делает, и останавливать его было бессмысленно. К тому же Виктор знал, где в случае необходимости следует искать наемника.

– Габи, – позвал доктор. – Можете идти домой.

– Ну, нет, – ответила из опустевшей послеоперационной палаты сестра. – Одной по темноте мне идти страшно. Я даже в этой комнате опасаюсь оставаться с тех пор, как господин Стелс выразил желание сбежать из-под моей опеки.

– В таком случае, поднимайтесь ко мне, – предложил Виктор. – Расскажите, как прошла поездка на столицу. Ну, и вообще...

– Я думала, вы никогда не предложите, – с облегчением отозвалась Габриэлла. – Иду.

7. Титан

– Все это очень странно, – прогуливаясь из угла в угол просторного кабинета, заявил Диктатор. – Если злоумышленники хотели меня... устранить, то почему это у них не вышло? Зачем эта демонстрация силы? Открытый гипертоннель, переполох... Чего они добивались?

– Вы же сами сказали, – ответил председатель Совета Воин Громов. – Демонстрация силы. Враг показал нам, на что способен. Отчасти это похоже на брошенную перчатку. Вызов. Понимаете?

– Я-то понимаю, – заверил правитель. – А вот вы соображаете, чем это все может обернуться? Вы объявили боевую тревогу?

– Все Воины готовы действовать по первому приказу, – ответил Громов. – Что вы предлагаете сделать дополнительно?

– Вывести на орбиту корабли армады, – сказал Диктатор. – Если это, как вы изволили выразиться, «брошенная перчатка», то барьер, к которому нас вызывает противник, будет располагаться в космосе.

– Драться с Воинами в открытом пространстве дело безнадежное, – уверенно сказал председатель, – не думаю, что кто-нибудь успел об этом забыть. Скорее всего, враг решил применить тактику Третьей мировой войны. Этому способу ведения боевых действий уже более тысячи лет, но он по-прежнему эффективен. Просто в едином государстве для проведения таких кампаний нет оперативного простора и прецедента.

– Государственный терроризм? – Диктатор недоверчиво покачал головой. – Тактика армий в штатском? Почему же я до сих пор жив?

– Видимо, что-то во вражеских планах разладилось, – Громов пожал плечами. – И это говорит о том, что противник не так уж опасен. Настоящие профессионалы сбоев не допускают. Они продумывают все свои ходы заранее, с несколькими запасными вариантами.

– Один из инженеров предположил, что вектор тоннеля направлен в сторону Стрельца, – задумчиво произнес правитель. – Там нет колоний. Откуда тогда там взяться противнику?

– Как раз потому, что там нет колоний, место для плацдарма наиболее выгодное, – ответил Громов. – Никто не заметит и не доложит в контрразведку ордена. Ничуть не удивлюсь, если в Стрельце уже сосредоточились достаточно крупные силы вторжения.

– И после этого вы будете колебаться в выборе ответных мер?! – возмутился Диктатор. – Немедленно выводите на боевые позиции армаду!

– Для этого мне потребуется провести заседание Совета, – попытался уйти от прямого ответа председатель.

– Проводите, – твердо заявил правитель. – Только в экстренном порядке...

Когда Громов, откланявшись, вышел из кабинета, человек в потайной комнате невольно утер со лба пару крупных капель пота. Работать с такими серьезными подопечными было тяжело. Их разум поддавался внушению крайне неохотно. Проще было бы уговорить десяток фрейлин, чем одного Воина или правителя, но все-таки человек справился. Он был чрезвычайно доволен результатом, а еще тем, что теперь имеет за плечами столь полезный опыт. Справившись с одним Воином, он был почти уверен, что теперь сумеет воздействовать на любое их количество.

Человек бесшумно покинул укрытие и двинулся в сторону покоев ордена. Насколько в действительности полезен новый опыт, ему предстояло выяснить на практике...

– Значит так, товарищи Воины, – заявил в мыслезфире Ямата. – В минувшем году проводником решений Совета и тактическим координатором был Купавин, но его время вышло.

После Купавина на очереди в ведущие Воины года стоял Туркин, но этот доблестный титан за двенадцать часов до начала своего правления умудрился попасть в черный список. Следующим должен быть я, а потому разрешите мне и начать наше экстренное совещание.

– Разрешаем, – ответил Горич, – только не развози, как обычно.

– Буду краток, – заверил Ямата. – Диктатор уже предложил Совету объявить военное положение и приготовить армаду к походу в Пояс новых земель. По предварительным данным, тоннель спроецирован оттуда.

– Не спешит ли наш Главнокомандующий? – засомневался Туркин.

– Лучше перестраховаться, – вмешался в разговор Семенов. – Ничуть не удивлюсь, если все наши зонды вернутся в тщательно измельченном виде, а следом за ними из тоннеля вынырнет пара диверсионных групп. Очень уж похожа эта тактика на классическую разведку боем. Наглость, быстрота и натиск. Почти по Суворову.

– Насчет наглости, по-моему, генералиссимус не упоминал, – заметил Туркин. – Первым пунктом было что-то о глазомере. Но я согласен с тем, что тоннель следует держать под прицелом и, возможно, даже проверить, насколько далеко лежит его выход, не дожидаясь, когда нас атакуют.

– Ждем данных от зонда-разведчика, – резюмировал Ямата. – Надеюсь, их окажется достаточно и нам не придется лезть в тоннель собственными персонами. Так же, как лететь всей армадой неизвестно куда и зачем. Пока, слава богу, на инициативу Диктатора наш доблестный Совет не отреагировал, но хватит ли председателю и его советникам ума и смелости вовсе отказать правителю в его авантюрной идее, я предсказывать не возьмусь. Пока начальство анализирует проблему с точки зрения опыта, мы с вами должны взглянуть на ситуацию с позиции силы и свежих мозгов. После, сверив выводы, мы и найдем золотую середину. Собственно говоря, в таком подходе нет ничего новаторского, все важные вопросы в ордене так всегда и обсуждались. Итак, что мы имеем? Гипертоннель, в котором едва не сгнули наши товарищи, начинается за дверью в диктаторские покои, но где он заканчивается, известно кому угодно, только не нам или техникам. Возможно, действительно в Поясе новых земель, но реально и любое другое место. Специалисты бьются над этим вопросом уже час, но ни одного вразумительного слова от них я не услышал. Отправленный ими в тоннель зонд номер один вернулся забитый под завязку загадочными сведениями. Теперь техники пытаются расшифровать их, чтобы ответить на главный вопрос бытия: есть ли жизнь у черта на рогах? В связи с этим у нас имеются два варианта дальнейших действий. Или мы идем следом за вторым зондом, или полагаемся на мастерство инженеров и ждем, когда они все же вычислят конечный пункт несостоявшегося путешествия правителя и его эскорта.

– Нас здесь почти две сотни, – напомнил Ямате один из Воинов пятого округа. – Какие могут быть сомнения? Надо облачиться в боевые скафандры и нырять в тоннель!

– Возможно, противник этого и ждет, – заметил Ямата.

– Какой, к черту, противник, если нас десять полных отрядов? Мы покروшим в капусту любую армию! – отозвался все тот же Воин.

– А если нас просто заманят на какую-нибудь отдаленную планету и тут же вырубят гиперпортал? – вступая в спор, спросил Туркин. – Поддаваться на провокацию врага следует, лишь играя по собственным правилам. Например, переадресовать входной участок тоннеля на контур большого транспортного портала и нырнуть туда целой ударной эскадрой.

– А выход? Если он на планете, мы воткнемся в грунт! – возразил собеседник.

– В таком случае, остается вариант номер два – ждать и надеяться на гениальность инженеров, – сделал вывод Ямата.

– Гений – это труд, – философски изрек молчавший до этого момента Горич. – А любой труд требует определенных затрат времени. Может быть, наши технари до второго пришествия

будут гадать, где находится конец тоннеля? Мы к тому времени успеем состариться и даже умереть. Это не выход.

– Твое предложение? – спокойно спросил Ямата.

– Надо искать мотив, – ответил Драган. – Как только мы пойдем, кому и по какой причине было выгодно рисковать здоровьем, пускаясь в такую авантюру, так сразу же сообразим, где расположены вторые ворота тоннеля.

– А я согласен с предложением: пойти и врезать этим авантюристам по зубам! – высказался Семенов. – И уже на месте разобраться, зачем им понадобилось нас провоцировать.

– Запрут, – напомнил ему Горич.

– Никого они не запрут, – возразил Семенов. – А если и так, отобьем у них генератор тоннеля и спокойно вернемся. Должен же быть у них генератор? Не пальцем же они проковыряли путь через гиперпространство?

– А если они этот самый генератор взорвут? – предположил Туркин.

– Ну, давайте прихватим с собой еще один, переносной, – легкомысленно предложил Семенов.

– На переносном ты сможешь ускакать не дальше луны, если она у той планеты имеется, – ответил ему Горич. – Не годится твой план, Семенов, никуда не годится. Бросаться в бой надо через космос, по цепи из больших порталов, это однозначно. Остается выяснить – куда?

– Главная гипотеза – Марс, – предположил Туркин.

– Это главная заноза в твоей заднице, – резко возразил Семенов. – После нашей зачистки на «четверке» не осталось ни одного авантюриста. К тому же все марсианские порталы есть в реестре. Попытаться изолировать правителя марсиане теоретически могли, но только при помощи секундного включения, а этот тоннель враги держат открытым уже полтора часа и вроде бы не собираются отключать. Значит, злодеи не боятся, что мы отследим их по официальным каналам.

– Кто же, в таком случае, нас провоцирует? – скорее размышляя, а не спрашивая друзей, подумал Туркин.

– Тот, у кого есть возможность построить достаточно мощный генератор без получения лицензии от Министерства транспорта, – ответил Ямата. – Кто-то из слабо контролируемой зоны. Возможно, действительно из Пояса новых земель.

– В Поясе сотня обитаемых планет, и все они находятся под протекцией Диктатуры чисто номинально, – напомнил Алексей. – Ты предлагаешь обыскать их силами Ударной Армии? На это уйдет полжизни.

– Можно привлечь подразделения внутренней армии, – заметил Семенов.

– Минус год, – Туркин покачал головой. – Драган прав, следует шевелить мозгами, а не фантазировать на отвлеченные темы. Как злоумышленники смогли пробиться сквозь системы технической охраны? Ведь точно спроецировать выходной отрезок тоннеля без маяка невозможно. Кто из инженеров помог им в этом черном деле?

– Маяк во Дворец мог пронести кто угодно, необязательно инженер, – возразил Ямата. – Но в целом ты прав. Маяк был установлен именно тем, кто нам сейчас пригодился бы больше всего, причем установили его буквально за пару минут до начала церемонии, иначе приборчик нашли бы охранники во время последней проверки. Получается, что злодей проник в покои правителя непосредственно перед фанфарами. В его распоряжении было не более четверти часа. Мог ли он уйти из Дворца за десять-двенадцать минут?

– Теоретически мог, – ответил Туркин. – Но на практике это требует не меньше пятнадцати-семнадцати и то, если ты очень поспешишь.

– Постойте, – вмешался Горич. – Вы рассуждаете с позиции Воинов, имеющих нулевой допуск. Но в таком случае подозреваемый должен иметь допуск не меньшего класса. Иначе

войти, а затем беспрепятственно выйти с уровня он бы не сумел. То есть это либо один из нас, либо кто-то из придворных.

– Ты забыл о кадетах, персонале и гостях, – возразил Ямата. – И если рассуждать здраво, останутся одни гости. Ведь Воины не могли предать Главнокомандующего по определению, о кадетах я даже не говорю – они восторженные мальчишки, а не злодеи. Дворцовые интриганы, какими бы они ни были мерзавцами, Диктатора боготворят, а персонал проходит комплекс самых тщательных проверок каждую неделю. Из всего перечисленного следует, что маяк пронес кто-то из приглашенных нами девиц. Остается лишь узнать – кто?

– Не вижу проблем, – подумал Туркин. – Во-первых, у наших дам нет вообще никакого допуска и вошли они лишь благодаря тому, что мы держали их под ручки, а следовательно, выйти они смогут точно так же и никак иначе. Во-вторых, по тревоге Дворец был закрыт, а значит, в течение последнего часа заблокированы не только лифты, но и переходы между помещениями на каждом уровне. Так что у нас есть вполне реальный шанс обнаружить злодейку, не сходя с этого места.

– Я тоже думаю, что она где-то в зале, среди гостей, – согласился с товарищами Горич. – Я слышал, что ребята из пятого округа – крупные специалисты по развернутому мыслесканированию. – Мы уже приступили, – ответил старшина группы представителей пятого, Юпитерианского, округа. – Минут тридцать-сорок...

– Подождем, – согласился Горич.

– Ненавижу такие паузы, – недовольно подумал Семенов. – Техников – жди, телепатов – жди. Ждать и догонять – хуже не бывает!

– Можешь попрыгать на месте или обойти пару раз вокруг зала, – с ехидцей предложил Горич, – энергичный ты наш.

– Не отвлекайтесь, – приказал Ямата. – Пауза – время не для пикировок, а для размышлений. Постарайтесь вспомнить, где были ваши спутницы за десять минут до фанфар? Семенов первый.

– Моя Лейла висела на шее у Горича, – немного обиженно ответил Семенов.

– Что взять с гетеры? – Драган усмехнулся.

– Особенно такой неразборчивой, – тут же ответил Семенов. – Твоя подруга, впрочем, не замедлила ответить примерно тем же. Слышал бы ты, что она шептала мне на ухо!

– Так, ясно, – прервал их Ямата. – Алексей, а где были наши с тобой девицы? Я что-то в тот момент упустил их из виду.

– Сначала они беседовали с леди Куракиной, а после... – Туркин задумался. – Странно, но я не помню. Кажется, они выходили в дамскую комнату.

– Припудрить носик? – произнес Ямата вслух и нахмурился. – Ты видишь их в зале?

Алексей обернулся к встревоженной толпе гостей и обвел ее взглядом. Среди раздетых в красивые платья женщин и подчеркнуто равнодушных вельмож деловито прогуливались Воины. Персонал сбился в испуганную кучку перед входом. Министры собрали в дальнем углу собственное совещание, и, судя по их жестикуляции, обсуждение возникшей проблемы проходило весьма бурно. Даже учитывая то обстоятельство, что помещение было переполнено и люди постоянно переходили с места на место, Туркин был уверен, что легко обнаружит Татьяну и ее подругу, но прошло несколько долгих минут, а знакомых лиц он так и не увидел.

– Ничего не понимаю, – немного растерянно пробормотал Воин. – Жора, кажется, их нет в зале.

– Семенов, для тебя снова есть работенка, – подумал Ямата. – Раз уж ты не побоялся заглянуть в диктаторские покои, может быть, проверишь женские туалеты?

– Я извращенец, конечно, но не настолько же! – возмутился Семенов.

– Это приказ, – отрезал Ямата.

– Ну, Жора, погоди! – Воин покачал головой и нехотя направился к запретным для мужчин дверям.

Вернулся он буквально через минуту, красный, как вареный рак, и с отчетливыми отпечатками тонких пальцев на правой щеке.

– Зря ты отключил силовое поле, – высказался Горич. – Хорошо, что не били ниже пояса. Пожалели тебя.

– Нет там ваших избранниц, – едва сдерживая раздражение, доложил Семенов. – Я на всякий случай все эти комнаты опечатал.

– А если кому-то приспичит? – Горич рассмеялся.

– Потерпят, – отмахнулся Семенов. – У меня физиономия не казенная, чтобы по ней шлепали все, кому не лень.

– Надо снять общую блокировку и проверить прилегающие к залу помещения, – взволнованно предложил Туркин.

– Не спеши, – ответил Ямата. – Как только мы дадим отбой тревоги, защитные поля отключатся по всему уровню и диверсантки смогут ускользнуть.

– Разве ты не понимаешь, что если они действовали в паре, то у них наверняка имелся запасной маяк? – возразил Алексей. – Это же идеальный путь отхода.

– Интересно, где они прятали эти штуковины, когда проходили контроль? – пошловато ухмыляясь, спросил Семенов.

– Уже не важно, – серьезно ответил Туркин. – Главное заключается в том, что нам их пока не поймать. Теперь это ясно. В зале их нет, а чтобы выйти из него и продолжить поиск по всему уровню, нам придется снять блокировку. Как только мы это сделаем, девицы активируют запасной маяк и улизнут, если, конечно, они не поступили так сразу, в те две минуты, пока мы соображали, почему не появляется Диктатор. Кажется, мы с Жорой влипли. Если нам не удастся схватить шпионок, трибунал никогда не поверит, что между нами и злодейками не было предварительного сговора.

– Худший вариант, – согласился Ямата, становясь мрачнее тучи. – Остается лишь одна маленькая зацепка – идея с приглашением девиц на прием не принадлежала Диктатору. Процентом на семьдесят вероятно, что тот, кто ее продуцировал, сделал это намеренно. Шанс найти этого человека невелик, но другого выхода у нас нет.

– Задача! – почесав затылок, заявил Семенов. – А если гениальное озарение случайно посетило, например, мадам Сычеву? Идейка вполне в ее духе. Вы надеетесь, что она признается в авторстве? Какой бы безмозгой ни была эта неофициальная первая леди, подставлять свою шею ради спасения жизни и чести пары каких-то там Воинов она не станет.

– Нет, – уверенно заявил Горич. – Случайностью здесь даже не пахнет. Автор подал идею Диктатору умышленно. Следовательно, с мозгами у этого человека должен быть полный порядок.

– В таком случае мы и его не найдем во Дворце, – заключил Ямата. – Не будет же он сидеть и ждать, когда за ним придут.

– Как ни крути, – Туркин вздохнул и развел руками, – а придется лезть в тоннель. Здесь нам цепляться больше не за что.

– А что я говорил?! – радостно воскликнул Семенов. – У меня же ассоциативное мышление дай бог каждому!

– Ветер у тебя в голове, а не мышление, – ответил ему Горич. – Одно дело – лезть в логово врага «на ура», а другое – после тщательного взвешивания всех «за» и «против».

– А в чем разница? – Семенов рассмеялся. – Все равно же лезть. Хоть так, хоть этак...

8. Милиция

Сержант Джемисон вышел из полицейского участка немного расстроенным. Этого вечера он ждал весь год, но теперь все шло совсем не так, как было запланировано. Мало того, что на Титане был объявлен аврал и все спецслужбы ловили каких-то шпионов, сержанта еще и перевели в группу усиления на восьмой уровень. Тактически ход начальства был грамотным и понятным; если подозреваемые хотели спрятаться, то лучшего места, чем этаж сомнительных заведений, для этого было не найти. Но Джемисона угнетала мысль о том, что на время операции его патрульный участок остается практически неприкрытым. Садовник Филипп и двое личных водителей знаменитого предпринимателя Утинского исправно посещали занятия для милиционеров, но до конца положиться на такую Службу общественной безопасности сержант не мог.

– Патрулировать квартал – это не розы выращивать, – во время инструктажа, обращаясь к садовнику, заявил сержант. – Требуется особая подготовка, внимательность и хорошая реакция.

– В саду все примерно так же, – обиженно ответил Филипп. – Попробуйте вырастить хотя бы один цветок, вот тогда мы и поговорим.

– Да вы не волнуйтесь, господин сержант, – сказал один из шоферов. – Если появятся эти шпионы, мы их в момент скрутим по рукам и ногам. Здоровье-то позволяет.

Он красноречиво поиграл накачанными бицепсами.

– Вот этого делать как раз и не следует, – возразил Джемисон. – Ваша задача – вовремя распознать преступников и сообщить об их появлении в участок. Это все. Никакой самостоятельности! Ясно?

– Предельно, – ответил второй водитель. – Не волнуйтесь, Пит, сделаем все строго по инструкции. Может, будут какие-то особые указания?

Он одними глазами указал в сторону дома Туркина. Сержант проследил за его взглядом и кивнул.

– Это не просто особо важный объект, но еще и наиболее вероятное место появления подозреваемых, – Джемисон нахмурился. – Уж если они и появятся на нашем уровне, то, несомненно, для того, чтобы провести какую-нибудь диверсию против Воина или его... или других обитателей этого дома.

– Оно и понятно, – согласился Филипп.

– Приступайте! – приказал сержант. – Как только смогу, приеду. Связь поддерживать постоянно. Удачи.

Когда Джемисон уехал, Филипп, назначенный командиром группы, деловито осмотрел выданные милиционерам станнеры и сказал:

– Я думаю, бродить по кварталу втроем было бы неверно. Раз шпионы охотятся на Воинов, один из нас должен сидеть в доме Туркина, а остальные – патрулировать улицы на машине.

– Распивать чай в гостях у Куклы будешь, конечно, ты? – с иронией поинтересовался первый шофер.

– Можем установить график, – ответил садовник. – По три часа, например.

– Фил прав, – согласился второй водитель. – Поскольку от нас требуется всего лишь засечь приближение врага и сообщить об этом в участок, держаться вместе не имеет смысла. Через три часа приедем тебя подменить, Филипп. Веди себя хорошо.

– А как еще можно себя вести в обществе Куклы? – садовник усмехнулся. – Это же не женщина, а почти богиня.

– Кто? – не понял первый шофер.

– Книжки надо читать, – Филипп покачал головой. – Эталон красоты, если тебе незнакомо слово «богиня».

– А эталон – это что?

– Ты в школе учился?

– Пять лет, – с гордостью ответил шофер. – Больше, правда, не осилил.

– Оно и видно, – садовник вздохнул. – Чем меньше знаешь, тем больше зарабатываешь.

– Ну, ты тоже не бедствуешь, – водитель рассмеялся. – На одних розах, пока хозяина нет дома, зарабатываешь, наверное, как мы за месяц? Сколько ты за свою службу их продал? Миллион? Если хотя бы по единице за штуку, тебя давно уже пора сдать налоговой полиции.

– Ты свои деньги получше считай, тоже жизнь наладишь, – Филипп криво улыбнулся. – По местам, граждане милиционеры.

В эту беспокойную ночь уличное освещение оставалось ярким, всего лишь вполовину уступая по интенсивности дневному, «солнечному». На всех перекрестках медленно вращались одинаковые лазерограммы инструкций, указывающих, что следует делать при появлении подозрительных чужаков. Прохожие добросовестно останавливались у каждого объявления и читали его от первой до последней строки. Пройдя двести метров до следующего перекрестка, они останавливались снова и повторяли процедуру, словно заучивая скупые строки официального текста наизусть. Необычная для сытого и спокойного Титана тревожная обстановка воспринималась гражданами скорее как продолжение праздника, некое приключение по случаю юбилея Снятого Шлема. Тема обсуждалась на каждом углу, исключительно полупшепотом, и с каждой минутой обрастала дополнениями, уточнениями и предположениями. С частотой три раза в минуту кто-нибудь из бдительных граждан замечал незнакомца и вызывал милицию, еще чаще то там то здесь мелькали фантомы измученных полицейских. Им, в отличие от добровольных помощников, разрешалось не выезжать на каждый вызов, а расследовать поступающие сигналы виртуально. Это немного обижало действующих из лучших побуждений жителей уровня, но поступить иначе полицейские не могли физически. Присутствовать почти одновременно в десяти разных местах было невозможно. Милиционеры же к исходу третьего часа патрулирования были готовы завывать на восходящий Сатурн.

– Я придушу этого хитрого садовника голыми руками! – в ярости прорычал первый шофер, когда патрульные наконец-то направились к дому Туркина, чтобы сменить Филиппа. – Он специально выбрал первую вахту, чтобы не носиться, как угорелому, по улицам. Скоро все эти глазастые домохозяйки лягут спать, и он будет чинно раскатывать по кварталам, даже не подозревая о том, что пришлось пережить нам.

– Хочешь, я уступлю тебе свою очередь? – с сочувствием предложил второй. – Отдохни, попей кофе со знаменитой Куклиной выпечкой.

– Нет уж, – первый покачал головой, – я не слабак, просто обидно.

– Разве ты не знал, что Фил большой хитрец?

– В общем-то, знал, – согласился первый. – Кто так паркуется?!

– Садовники, – ответил второй, и товарищи рассмеялись.

Машина Филиппа действительно стояла немного странно, словно, покидая ее, садовник страшно спешил. Второй шофер обошел вокруг экипажа и удивленно поднял брови.

– А с виду вроде бы такой аккуратный человек...

– Что-то здесь не так, – входя в роль детектива, заявил первый. – Я видел в инфосети. Ну, сериал этот, помнишь? «Копы» называется. Они там еще по форме окурков убийцу вычислили. Там главный их так и говорил: «Мелочи – это улики, а значит, уже и не мелочи».

– Ты предлагаешь вызвать сержанта? – с сомнением спросил второй.

– Чтобы он нас обсмеял? Нет, я ничего не предлагаю.

– А как же «мелочи»?

– А, – первый махнул рукой. – Не кино же снимаем. Идем в дом.

– Идем, – согласился второй, ощупывая сквозь брючную ткань лежащий в кармане станнер.

Милиционеры не спеша вошли в зону идентификации и остановились в ожидании стандартного приветствия, но домашний компьютер почему-то промолчал. Такое поведение машины было подозрительным, но еще более странным им показалось то, что в доме не горел свет. Предположив, что обитатели улеглись спать и Филипп из вежливости согласился посидеть в темноте, милиционеры прошли в прихожую.

– Дьявол! – выругался второй шофер. – Там кто-то лежит!

– Сержант! – тут же крикнул первый. – Срочно приезжайте!

– Что случилось? – мгновенно откликнулся Джемисон.

– Пока не разобрались, но, кажется, Филу стало нехорошо, – ответил первый водитель.

– Ничего не трогайте, – приказал полицейский. – Проверьте, не требуется ли кому-нибудь медицинская помощь.

Второй милиционер, осторожно ступая, подошел к лежащему посреди гостиной телу садовника и наклонился, чтобы прощупать пульс. Рука Филиппа была прохладной, и, сколько шофер ни старался, никакого пульса ему найти не удалось.

– Поднимись наверх, – приказал он напарнику. – Спальня справа.

– Откуда ты знаешь? – удивился первый.

– Какая тебе разница? – раздраженно спросил второй.

– Да ладно, просто спросил...

Первый милиционер предусмотрительно вынул из кармана станнер и медленно поднялся по лестнице на второй этаж. В спальне было немного светлее, окна оказались открыты, и через них в комнату вливался свет ближайшего уличного фонаря. На кровати лежали двое. Милиционер вежливо покашлял, но никакой реакции со стороны отдыхающих не последовало. Тогда он подошел ближе и склонился над спящей женщиной. Это была Кукла, но узнать ее шоферу стоило определенного труда. Лицо служанки было разбито, из губы сочилась кровь, а оба глаза закрывали огромные синяки. Милиционер осторожно приложил к груди Куклы дрожащую руку и издал возглас облегчения. Женщина дышала, хотя кожа ее на ощупь была холодной и влажной.

– Медики! – крикнул он, и перед ним тотчас возникла голограмма приемного отделения центра «Скорой помощи». – Срочно! В доме Воина есть раненые!

– Сколько? – поинтересовалась дежурная сестра.

– Двое – точно, – ответил шофер. – Сейчас посмотрю... Третий тоже еле дышит. Да и вообще, какая разница? Срочно сюда!

Лежащий рядом с матерью мальчик действительно дышал, но простыня под ним была темной и испачканной чем-то липким. Милиционер потрогал ткань кончиками пальцев и поднес их к лицу. Жидкость пахла необычно. Мужчина лизнул палец и сплюнул. На вкус субстанция казалась чуть солоноватой.

Пока он изучал место происшествия, к дому подъехали сразу несколько машин. Внизу послышались возбужденные голоса, какая-то возня и ляг инструментов. Спустя минуту в доме зажегся свет, и милиционер был вынужден на мгновение зажмуриться. Когда он открыл глаза, в спальне уже толпились медики. Они проворно погрузили служанку и мальчика на носилки и быстро повезли их вниз, к машинам. Снизу доносились еще какие-то возгласы, но милиционер их не слышал. Он стоял и зачарованно смотрел на пропитанную темно-красной жидкостью кровать. Из транса его вывел напарник.

– Идем вниз, сержант зовет, – сказал он, мельком взглянув на окровавленное ложе.

– Как же так? – растерянно пробормотал первый. – И дом не отреагировал, и Фил ничего не сообщил. А если бы мы приехали позже?

– А если бы раньше? – задал встречный вопрос товарищ. – Идем, Питер и так вне себя.

Джемисон, багровый от злости, вышагивал по центру просторной гостиной, то и дело косясь на голограмму, в точности имитирующую тело распростертого на полу Филиппа. Он что-то бормотал себе под нос, и, даже не слыша произносимых сержантом слов, было нетрудно догадаться, что это ругательства. Милиционеры встали перед полицейским и виновато опустили головы.

– Нет, это не ваш промах, – после долгой паузы наконец произнес Джемисон. – Это я виноват. Мне следовало отказаться идти в рейд и самому контролировать вверенный участок.

– Вас бы выгнали с работы за неподчинение приказу начальства, – негромко заметил второй милиционер.

– А теперь выгонят за то, что я не сумел обеспечить безопасность граждан, – Джемисон нервно усмехнулся. – Только бы они выжили!

Он остановился у окна и замер, разглядывая ровно подстриженный газон.

– А что сказали медики? – спросил второй милиционер.

– Пока ничего не ясно, – не оборачиваясь, ответил сержант. – У Куклы черепно-мозговая травма, Иван потерял много крови...

– А садовник? – едва слышно спросил первый из добровольных помощников закона и порядка.

– Филу досталось больше всех. Фактически он уже за гранью, но, если это случилось менее получаса назад, его реанимируют, правда, с частичной потерей памяти...

– Надо было денег у него занять, – облегченно выдохнув, сказал первый милиционер.

Джемисон молча подошел к шутнику и внимательно посмотрел ему в глаза. Тот виновато пожал плечами и отвел взгляд в сторону.

– Пока вы мне не нужны, – наконец заявил сержант. – Отправляйтесь патрулировать квартал дальше. А еще лучше – езжайте по домам. Теперь на нашем уровне полно полицейских и без вас.

– Разрешите нам остаться здесь, – не поднимая глаз, попросил второй милиционер.

– Зачем? – удивился Джемисон.

– Вдруг преступник вернется или еще что-нибудь произойдет, – помощник пожал плечами.

– Только стойте так, чтобы не мешать, и ничего не трогайте, – согласился сержант. – И умные замечания держите при себе. Ясно?

– Одно можно? – робко спросил второй.

– Только одно, – недовольно разрешил Джемисон.

– Вы уже нашли орудие убийства?

– Нет еще, а что?

– Мне кажется, оно там, наверху, слева от кровати, – милиционер указал пальцем в потолок. – Армейский пистолет «Брагин-215».

– Ты разбираешься в оружии? – сержант похлопал парня по плечу.

– Немного, – помощник кивнул. – Только, если честно, я никогда не думал, что увижу последствия его применения. – Разрешите мне тоже сказать, – попросил первый помощник.

Джемисон взглянул на милиционера уже более заинтересованно.

– Дом был обесточен и компьютер выключен. Первое нельзя сделать, предварительно не отключив машину. Но она запрограммирована так, чтобы не допустить к своему системному блоку никого, кроме хозяина и техника аварийной службы.

– Ты считаешь, что здесь побывал Туркин? – сержант взглянул на милиционера с иронией, но тот оставался серьезным, как никогда.

– Если вы проверите серийный номер оружия, я уверен, окажется, что именно он записан в арсенальном файле Алексея Борисовича, – заявил помощник.

– Никогда не выдвигайте необоснованных версий, – строго глядя на милиционера, сказал Джемисон. – Сначала следует проверить номер, а затем спросить у компьютера, кто отключил его от системы.

– Разрешите, я сбегая, – предложил второй помощник.

Он вернулся в тот же момент, когда дом сообщил, что в его памяти нет данных о моменте отключения.

– Половина версии недоказуема, – назидательным тоном заявил сержант. – Теперь номер...

Он быстро раскрыл полупрозрачную голограмму терминала связи и запросил данные на обнаруженный пистолет.

– Владелец Туркин А. Б., – прочел он спустя пару секунд. – Это хуже. Прошу дать разблокировку домашнего сейфа Туркина А. Б.

– В разблокировке отказано, – равнодушно ответил оператор Арсенала. – Что вы там себе вообразили, сержант? Это собственность Воина, и ваших полномочий хватает лишь для того, чтобы изучить обстановку в прихожей, да и то, если позволит хозяин.

– Хозяина здесь нет, а трупы есть, – спокойно ответил Джемисон. – Вы бы тоже не слишком там задавались, знатоки полномочий...

Связь с Арсеналом прервалась, и полицейский обвел задумчивым взглядом своих помощников. Пока никакой правдоподобной версии не складывалось. То, что пистолет принадлежал Туркину, вовсе не доказывало, что тот был в доме три часа назад.

«В конце концов, он мог просто иметь дурную привычку держать оружие не в сейфе, а под подушкой, – размышлял сержант. – То, что нарушение правил хранения привело к трагедии, конечно, плохо, но это не является преступлением, в котором можно обвинить хозяина дома. Ко всему прочему, Туркин до сих пор, наверное, совещается во Дворце, а значит, оказаться здесь собственной персоной он не мог. Тогда кто? Кто имел доступ к сейфу с оружием, компьютеру и сети энергоснабжения? Кто-то из обитателей дома? Двое лежат в реанимации. Третий? Ревнивый муж Снайп? Чаще всего самые страшные преступления совершаются именно на бытовой почве. Тогда можно легко объяснить и синяки на лице Куклы и особую жестокость по отношению к мальчику. Вполне возможно, что женщина кричала, Филипп, подъезжая к дому, услышал шум и потому поставил свою машину не паркуясь, а как попало. Вбежав в дом, он бросился на помощь Кукле, но Снайп, осознав, что его преступление является особо тяжким, решил убрать и свидетеля. Что ж, на первый взгляд все сходится».

Джемисон вызвал дежурного и сказал:

– Ориентировка на Снайпа.

– Ты думаешь, на почве ревности? – с сомнением спросил дежурный.

– Предварительная версия, – пояснил сержант. – Пока все складывается именно так.

– Ясно, – собеседник кивнул. – Ты экспертов дождешься?

– Нет, здесь побудут ребята, а я – в клинику. Вдруг очнется Кукла или мальчонка...

– Воину сообщил?

– Пока нет, – сержант покачал головой. – О чем сообщать? Что его верный оруженосец изуродовал свою жену и едва не угробил единственного сына? Причем, сам понимаешь, чьего сына...

– Воин сможет разыскать подозреваемого гораздо быстрее, чем мы, – заметил дежурный.

– А зачем тогда нужна вся наша служба? – Джемисон покачал головой. – Нет, Воины должны спасать мир, а мы – их родственников. Так будет правильно.

9. Марсиане

Пыльные бури всегда приходили с юго-востока. Управлять погодой можно было и по-другому, но туристы требовали зрелищ и особого колорита. В большинстве своем эти любознательные псевдопутешественники прибывали с Земли, а там до сих пор бытовало представление тысячелетней давности, что Марс – это покрытая красными песками планета, над которой непрерывно бушуют ураганы. Потакать заблуждениям землян для жителей «четверки» было утомительно, но выгодно. На время искусственных «самумов» города включали силовые купола и устраивали шумные празднества, некое подобие бразильских карнавалов. Туристы глазели сквозь невидимые стены силового поля на разгул стихии, а аборигены вытягивали из них условные единицы кредитов за просмотр редкостного зрелища, дополнительные развлечения и снедь, которую взволнованные гости поглощали в запредельных количествах. Работа очистительной техники, трудившейся после каждой бури, освобождая пригород от песка и пыли, как проклятая, по трое суток кряду, вполне окупалась за счет доходов, полученных в период карнавала.

Васильев обогнул очередную группу беззаботных землян и вошел в вестибюль отеля «Нормандия». Подбежавший портъе был незнаком доктору, но проблем в связи с этим не возникло. Видимо, новичка хорошо проинструктировали об особенностях обслуживания отдельных граждан, и он сразу же вручил Виктору диск, обеспечивающий доступ в закрытое для посторонних крыло здания. Доктор провел по значку служащего монетой, сбросив на его счет пару единиц чаевых, и прошел к довольно неприметной двери. Оставив пропуск в лотке системы идентификации, он шагнул в длинный узкий коридор, конец которого терялся в далекой перспективе.

– У нас ровно минута, – появляясь рядом с доктором, заявил лазерографический фантом председателя восточной ячейки подполья. – Политсовет считает, что нам необходимо воспользоваться моментом и продолжить восстание. Голоса разделятся примерно поровну. Ваше мнение может стать решающим.

– Каким моментом? – Васильев покосился на председателя с неудовольствием. – Я чего-то не знаю?

– Разве вы не были этой ночью в своем координационном центре? – удивился собеседник. – Вы не в курсе последних новостей с Титана?

Даже в виде фантома он оставался суетливым и каким-то помятым, словно скомканный лист бумаги. Как это ходячее недоразумение сумело пробиться на такой высокий пост, Виктору было непонятно.

– Нет, – признался врач. – Ночью у меня была трудная операция.

– В Солнечной системе возник самый настоящий кризис власти! – понизив голос, возбужденно сообщил жеваный соратник. – К столице стянуты практически все силы Воинов и половина регулярных войск. По данным разведки, штаб ордена планирует какую-то полномасштабную операцию в Поясе новых земель или даже где-то дальше.

– Дальше? – сдержанно удивился Виктор. – Я всегда считал, что Пояс – последний рубеж.

– Дворец запросил в штабе дальней разведки подробные карты созвездия Стрельца! – торжественным тоном открыл тайну председатель. – Там колоний у Диктатуры пока нет.

– Еще не факт, что они направят туда армаду, – заметил Виктор. – Центр Галактики всегда привлекал исследователей. Там очень много звездных скоплений, а значит, и велика вероятность обнаружения пригодных для колонизации планет. Но это все дело для десятка мобильных разведгрупп, максимум – пары эскадр. Армада в полном составе для этого не потребуется.

– Вот именно! – фантом многозначительно округлил глаза. – Для чего же Диктатор собирает целый ударный флот?

– А что еще сообщает разведка? – спросил Васильев, уже останавливаясь в зоне идентификации перед дверью в конференц-зал.

– Титан переполнен слухами о проникших во Дворец диверсантах. Теперь их ловят по всей планете. Почему-то все считают, что это наш ответный удар.

– Ясно, – доктор усмехнулся. – Пусть считают...

Заседание Политсовета затянулось. Уже давно подошло время пообедать, но окончательного решения председатели всех представленных на собрании ячеек так и не приняли.

– Мне хотелось бы уточнить лишь одно, – внимательно выслушав все аргументы, заявил Васильев. – Какими силами вы собираетесь продолжить это восстание?

– Мы потеряли только «Юг-9», – ответил ему маркшейдер Антонов, председатель ячейки северного горнодобывающего округа. – Остальные группы даже пополнились бойцами и теперь рвутся в бой, чтобы отомстить за своих товарищей.

– А как же Воины? – Виктор прищурился и обвел собравшихся внимательным взглядом. – На что рассчитывают генералы ваших боевых отрядов? Неужели им неизвестно, что Воины потому и зовутся Абсолютными, что победить их нельзя? Сколько раз вам нужно свалиться в одну и ту же канаву, чтобы прозреть?

– Если Воины уйдут в дальний поход и увязнут в боях, нам останется лишь разоружить полицию и несколько гарнизонов внутренней армии, а они сформированы из марсиан. Полицейские не станут драться с нами за честь Титана.

– И что произойдет, когда Воины вернутся из похода? – доктор спросил это так, словно разговаривал со слабоумными. – Я не пойму, вы хотите убаюкать себя теплой ванной и сладкими мечтами перед тем, как вскрыть вены? Или я чего-то не знаю и все ваше горячее бормотание имеет под собой некую основу?

– Имеет, – признался председатель западной ячейки. – Правда, это особо секретная информация.

– Но мы сейчас решаем судьбу планеты, – заявил Васильев. – При таких ставках нельзя играть вслепую. Выкладывайте.

– Все дело в запросе, который подал Дворец в штаб разведки, – тщательно подбирая слова, сказал «западник». – В созвездии Стрельца действительно пока еще нет колоний, но мои эксперты провели тщательный анализ архивных файлов и обнаружили две любопытные папки. В одной помещен подробный отчет о разведрейде крейсера «Киев». Он не добрался до пункта, который был обозначен в его приказе. И вот что интересно, причина, по которой целых четыре Воина, бывших на борту крейсера, не выполнили приказ, звучит, как невнятный детский лепет. Все четверо в один голос заявили, что на выходе из гиперпространства корабль попал в зону обратного смещения. Это настолько обеспокоило доблестных Воинов, что они были вынуждены ретироваться, не проведя никаких исследований.

– Что такое «обратное смещение»? – заинтересовался Васильев.

– Терпение, – призвал рассказчик. – Следом за «Киевом» в том же направлении ушел другой крейсер – «Новосибирск». К моменту отправки этого разведчика астрофизики уже разобрались с феноменом обратного смещения и составили подробнейший список рекомендаций, как действовать в аномальной зоне, но, когда корабль вышел примерно там же, где и «Киев», с поправкой всего в пару АЕ, ему пришлось столкнуться с новой загадкой. Гигантский крейсер потащило, как щенка на поводке, какое-то гравитационное поле. Причем никаких источников поля поблизости от корабля не было и в помине. Когда Воинам с огромным трудом удалось вырваться из захвата и прыгнуть обратно в систему, выяснилось, что между временем Титана и бортовым существует серьезная разница.

– Так и была открыта прямая зависимость скорости движения времени от массы вещества в пространстве, – заключил Виктор. – Я знаю эту историю, единственное, что для меня новость

– название крейсера. Я всегда считал, что это было научное судно «Академист». Вы обещали, что будет секретная информация, где она?

– Так вот же, – «западник» развел руками. – Смещение, поле, замедление времени...

– Данные из учебника для шестого класса средней школы, – оборвал его доктор. – Этот набор аномалий сможет остановить Воинов?

– Вот именно! – обрадовался понятливости соратника западный председатель. – Посудите сами, в истории не было случая, чтобы Воины поворачивали, не выполнив задания, а здесь их целых два!

– Вы хотите положиться на капризы Вселенной? – Васильев сокрушенно покачал головой. – С кем я работаю!

– Вы можете предложить лучшие варианты? – обиженно спросил оппонент.

– Варианты чего?! – Виктор взорвался. – То, что вы представили нам, как средство от вооруженных до зубов громил, которых любой нормальный человек боится больше смерти, является всего лишь подборкой архивных данных! Я не уловил в вашем выступлении ни смысла, ни намек на разумное предложение. Надеяться на то, что армаду диктаторских кораблей утянет на другой конец Галактики неведомое гравитационное поле или что они застрянут в созвездии Стрельца на тысячу земных лет, в высшей степени глупо. Я не смогу объяснить бойцам, почему мы намерены рисковать их здоровьем, заранее зная, чем закончится это безнадежное предприятие... Кстати, вы мне так и не объяснили, что это за фокус «обратное смещение».

– А разве вы меня слушаете? – «западник» возмущенно фыркнул. – Вы наслаждаетесь ролью непогрешимого критика и не хотите вникнуть в суть проблемы. Обратное смещение – это феномен увеличения длины волн в спектре ближайших источников излучения, хотя по всем канонам все должно происходить наоборот. Зафиксированные «Киевом» источники имели спектр излучения, близкий к внегалактическому. Словно экипаж крейсера смотрел не на ближайшие звезды, а заглядывал в колодезь, на дне которого светились осколки другой галактики. То, что вы назвали подборкой архивных данных, является тройной – понимаете? – тройной аномалией!

– Увеличение красного смещения может быть вызвано сильным гравитационным полем, – заметил Васильев. – Вы сами сказали, что «Новосибирск» едва не затянуло в какую-то черную дыру. Так что ваш феномен обратного смещения можно легко объяснить именно сочетанием аномалий. Прибавьте к этой теории замедление времени под действием гипермассы, вызвавшей к жизни гравитационное поле, и у вас все сойдется. Станет объяснимым даже тот факт, что Воины не увидели никаких объектов поблизости от своего корабля. Объект был, но был он не поддающийся обнаружению черной дырой. К счастью, до нее могучему «Новосибирску» было как папуасу до полюса, потому он и вырвался.

– Стрелец – созвездие, – возразил председатель. – Созвездия, да будет вам известно, состоят из прилично удаленных друг от друга, но по галактическим меркам все же близких звезд. Особенно близки они друг к другу именно в направлении центра нашей Галактики. Для каких-либо черных дыр в составе Стрельца просто нет места. Тройная аномалия остается загадкой для ученых уже несколько десятков лет, и я не думаю, что вы сможете прямо сейчас ответить на вопрос: что же происходит в той далекой точке пространства-времени? А еще я ничуть не удивлюсь, если армада, которую собирает Диктатор, все же двинется в это проклятое созвездие. Скорее всего, переполох на Титане вызван не попыткой покушения на правителя и не высадкой на столицу отряда неуловимых диверсантов. Причину следует искать в чем-то другом. Нет ли здесь связи с центральными областями галактики? Быть может, пользуясь тем, что Диктатура не любит этот загадочный участок пространства, там укрылись некие враги? Во второй папке, найденной моими экспертами в архиве, содержался достаточно пространственный доклад о том, что во время войны в указанной зоне бесследно пропала вся отступающая армада

противника и одна из преследовавших ее эскадр Третьего флота Титана. Разве не логично предположить, что некие потомки побежденных семьдесят лет назад землян основали в аномальной зоне колонию и теперь грозят оттуда Диктатуре?

– И все равно вы меня не убедили, – упрямо проговорил Виктор. – Слишком много «если». Если армада двинется к Стрельцу, если она начнет там боевые действия, если время будет работать на нас... если, если, если... Так планировать серьезные дела нельзя.

– В таком случае наша борьба обречена, – заявил «западник». – Мы никогда не добьемся даже того, что удалось нашим товарищам с Ио.

– Пример вы привели – так себе, – успокаиваясь, заметил доктор. – Что сумели выторговать эти товарищи у Диктатуры? Право называться не просто Ио, а Республика Ио? Но других-то изменений на спутнике Юпитера не произошло, да и не могло произойти.

– Я вот слушал вас и размышлял, – вмешался в беседу Антонов.

– Да? – с изрядной долей сарказма полюбопытствовал Виктор.

– Да, – серьезно подтвердил маркшейдер. – Все наши споры не имеют смысла, поскольку неясно, что же происходит на Титане. В этом я согласен с доктором. Но опускать руки мы тоже не имеем права. Как же совместить нашу жажду действий и взвешенный подход?

– Ну и как? – по-прежнему иронично спросил врач.

– Следует сделать то, в чем нас беспочвенно обвиняют столичные репортеры, – спокойно заявил Антонов. – Отправить на Титан разведчиков. Из сообщений инфоканалов мы никогда не узнаем ничего конкретного.

– Я уже отдал приказ четверым агентам, – заметил Виктор.

– Вы меня не поняли, – мягко возразил «северный» председатель. – Достоверная, из первых рук, информация может потребовать мгновенного осмысления и принятия ответственного решения. Кто ваши агенты? Рядовые товарищи?

– Сообразил, – доктор кивнул. – Вы предлагаете отправить на Титан кого-то из Политсовета. Чтобы в случае кризиса этот человек принял решение единолично. Получаются прямо-таки похороны принципа коллективизма, вам не кажется?

– Критическая ситуация, – Антонов пожал плечами. – В любом коллективе рано или поздно находится свой герой, причем только один.

– И кого же вы предлагаете отправить за порцией «посмертного бессмертия»? – Васильев прищурился.

– Того, кому больше нечем руководить на Марсе, – председатель посмотрел доктору в глаза. – Ваша ячейка уничтожена, а значит, особых дел у вас на планете нет. К тому же мы вам доверяем. Если, ознакомившись с реальной обстановкой на столице, вы решите, что продолжать восстание нет смысла, мы снова уйдем в подполье. Но мы все очень надеемся, что, если вы получите данные в пользу идеи продолжить вооруженное сопротивление, ваше собственное мнение не повлияет на окончательные выводы.

– Нетрудно догадаться, что Политсовет придумал это еще до того, как я вошел в зал? – скептически предположил доктор.

– Верно, – ответил «западный» председатель. – И спорили мы с вами лишь для того, чтобы вы как можно лучше прочувствовали степень возлагаемой на вас ответственности.

– Служу трудовому народу, – пробурчал, поднимаясь со своего места, Виктор. – Места в космолете уже заказаны?

– Места? – Антонов немного замешкался. – Вы полетите не один?

– Я же врач, – напомнил Васильев. – А любому врачу полагается медсестра, как Воину оруженосец или вельможе паж. Вы не знали?

– Я считал, что в вашей специальности отношения более деловые и... равноправные, что ли, – председатель пожал плечами.

– Вы заблуждались, – серьезно ответил доктор.

– Антонов, оставьте Виктора в покое, – смеясь, потребовал «западник». – Иначе он наплетет вам бог знает чего.

– Фу, – маркшейдер провел ладонью по лбу. – А я почти поверил!

– Что ваш товарищ ведет себя, как зажавшийся эксплуататор? – Васильев хлопнул Антонова по плечу и улыбнулся. – Расслабьтесь. Но насчет двух мест я не пошутил.

– Сестра нужна вам для прикрытия? – спросил дотошный «северный» председатель.

– Если бы наш юный друг хоть раз увидел Габи, он не задавал бы глупых вопросов, – обращаясь к доктору, заметил «западник». – Для прикрытия, Антонов, и еще для какого!

Когда Виктор вышел из зала, над круглым столом пронесся невольный вздох облегчения. Почти никто из членов Политсовета не сомневался, что доктора схватит «Спрут» и Виктор, не выдержав пыток, согласится прекратить восстание. А поскольку высший орган революционного движения якобы уполномочил бывшего южного председателя принять окончательное решение, контрразведка Титана, по мнению бунтовщиков, оставит их в покое. Тем самым «Свободный Марс» надеялся обеспечить себе жизненно необходимую передышку.

Наивные революционеры не могли даже представить, насколько их коварное предложение соответствовало личным планам Васильева.

10. Тоннель

Человек в кибермаске приблизился к дверям резиденции ордена и пристально посмотрел в глаза одному из часовых. Тот равнодушно кивнул, словно отвечая на какой-то мысленный вопрос незнакомца, и указал вправо.

– Все кадеты там, в дежурной...

Человек двинулся в указанном направлении, но настолько медленно, что со стороны казалось, будто он крепко о чем-то задумался. В общем-то, так оно и было, но задумчивость незнакомца имела довольно необычный характер. Он думал сразу за нескольких человек. За нескольких Воинов, заседавших в штабе ордена...

– У меня есть предварительные данные расшифровки разведданных, которые добыл зонд, – неожиданно для самого себя заявил глава Совета Громов.

– Откуда? – удивился было один из членов Совета, но тут же исправился: – Ах да, предварительные данные... Это от...

– От него, – подтвердил Громов, не уточняя источника. – Они подтверждают нашу догадку. Выход из тоннеля находится в Стрельце.

– А с чем мы имеем дело? Что там, на выходе?

– Три полные эскадры боевых кораблей неизвестного происхождения, – пробормотал себе под нос человек в маске.

– Вражеская армада из трех полных эскадр, – произнес Громов. – Что это за враг, мне неизвестно, но его цель – Титан.

– Вы уверены? – с сомнением спросил пока еще не охваченный внушением незнакомца Воин.

– Второй зонд сделает видеорепортаж, – заверил председатель. – Но нам следует задуматься над проблемой еще до его возвращения. Место, где противник концентрирует свои силы, издавна считалось сомнительным. В свое время именно там закончилась война Семнадцати Спутников, там ученые наиболее часто наблюдали аномальные явления, наконец, это единственный участок пространства, где у нас нет не только колоний, но и наблюдательных станций. Просто идеальный исходный рубеж для вторжения.

– Возможно, я ошибаюсь, но, по моим данным, война Спутников закончилась сражением даже не в Стрельце, а в зоне тройной аномалии, – вспомнил один из членов Совета. – Это чертовски далеко для рубежа атаки. Зонд ничего не напутал?

– Зонд – автоматический регистратор, – строго глядя на соратника, заметил Громов. – Он выдал результат, а осмысливать его предстоит нам и нашим офицерам-аналитикам. Пока не поступит подтверждение, мы, естественно, не будем спешить с безоговорочным принятием версии о вражеском плацдарме в Стрельце, но и на чудо надеяться нам не стоит. Я предлагаю заранее подготовить к походу всю армаду.

– Отправив в бой все корабли, мы провалим оборону, – осторожно заметил до сих пор не поддавшийся внушению незнакомца Воин. – Нам следует оставить вокруг Титана хотя бы два стандартных эшелона заградительных кораблей и три-четыре линкора.

– Флот противника слишком велик, – подсказал человек в маске, и Громов тут же повторил его слова.

– Это не аргумент, – возразил упрямый Воин.

Человек поморщился, словно от приступа зубной боли, и перенес всю тяжесть ментальной нагрузки на сознание упряма. Воин вдруг схватился за левый висок и согнулся почти пополам. Когда он медленно выпрямился, из угла его левого глаза текла слеза, а губы и подбородок были испачканы струящейся из носа кровью.

– Врага следует опередить, – окинув товарищей отсутствующим взглядом, изрек Воин. – Его надо уничтожить одним мощным ударом. Иначе он каждый день будет покушаться на Диктатора, и когда-нибудь ему это удастся. Единственное, что необходимо выяснить до похода, – кто этот враг?

– Мы выясним, – пообещал Громов. – Не получится при помощи зонда, отправим в разведку Воинов... Мы это обязательно выясним. А то у меня возникло какое-то скверное предчувствие. Слишком уж знакомое место выбрали эти злодеи для своего рубежа...

Человек в маске подошел к дежурной комнате, но входить в нее не стал. Кадеты его не интересовали. Он развернулся и быстро проследовал к лифту. Часовые проводили его все теми же равнодушными взглядами, а когда человек вошел в кабину, начисто забыли о том, что он приходил...

– Решение принято, – Ямата обвел взглядом товарищей и покачал головой. – Я не согласен с мнением Совета и считаю, что отправлять армаду в поход рановато, но данные, которые получил новый зонд-разведчик, ясно говорят о том, что выход тоннеля расположен в районе, пограничном с тройной аномалией, и генерирует этот переход один из боевых кораблей неизвестного флота. Вражеская армада построена в наступательный порядок, и перед большей частью ее крейсеров развернуты входы в гипертоннели. Совет решил нанести противнику упреждающий удар. Флот Титана внезапно выйдет чуть дальше вражеского стартового рубежа и атакует корабли противника с тыла. Наша задача – нейтрализовать генератор тоннеля и тем самым лишить врага четкого ориентира на столице. Все готовы? Алексей, ты как?

Туркин проверил герметичность боевого костюма и показал Ямате большой палец.

– А ты?

– Другого выхода у нас все равно нет, – Георгий вздохнул. – В конце концов, не в первый раз.

– Будем надеяться, что инженеры не ошиблись и база врага расположена действительно где-то в созвездии Стрельца, желательнее на планете или хотя бы астероиде, а не в пустоте. – Алексей вытянул левую руку и навел вмонтированное в рукав оружие на дверь. – Занятный будет прыжок. Из дворцовых покоев – к центру Галактики. Мы войдем в историю.

– Лучше бы нам никуда не входить, – возразил Ямата. – К своей нынешней жизни я уже привык, здесь мой дом и друзья, а в этой самой истории я никого не знаю.

– Командир! – прервал их разговор возглас Семенова. – Отряд самоубийц для выполнения священного долга перед сегуном построен!

Ямата обернулся к короткой шеренге полностью экипированных и вооруженных Воинов и внимательно осмотрел их снаряжение.

– Вольно, – приказал он. – Слушайте подробности, чудо-богатыри. Тоннель будем проходить в стандартном атакующем порядке. Боевой режим приказываю не отключать до возвращения во Дворец или посадки на корабль. Армада выйдет в поход ровно через час, но даже в гиперпространстве путь к точке «Х» займет около четверти суток, а это значит, что, как бы нам ни было жарко, продержаться предстоит семь стандартных часов. Это при условии, что корабли армады обнаружат и разгромят вражеский флот сразу по прибытии в созвездие. В составе нашей ударной группы более двухсот крейсеров, и шансы на то, что им удастся быстро справиться с врагом, достаточно велики. Но на случай непредвиденных осложнений мы возьмем с собой легкий магнитоплан, оборудованный гипермаяком. Он набит под завязку полезными мелочами, вроде минных и силовых комплектов, пищевого и элементарного синтезатора, а также снаряжением для выживания. Этот обоз будет оберегать как зеницу ока Горич. И не спорь, Драган, это приказ! Полузащитником назначается Семенов. Прикрывать тыл атакующей группы и одновременно страховать обоз по силам только такому «энерджайзеру», как ты.

– Яволь! – бодро ответил Семенов. – Рад стараться, Ямата-сан!

– Мордвинов – левый фланг, – продолжил Георгий. – Туркин – центр. Я буду на правом. Шульга – аэроснайпер.

– Верх и низ? – уточнил Шульга.

– Если они будут в том месте, куда мы отправляемся, – подтвердил Ямата. – Еще вопросы?

– Никак нет, – почти синхронно ответили Воины.

– В таком случае, в колонну по одному. Туркин – направляющий. На подвиги шагом марш!

Шесть закованных в броню и окутанных силовыми полями фигур неторопливо прошли через раскрытые двери зала для торжественных приемов и растворились в мерцающем свечении гипертоннеля. Наблюдавшие за процессом операторы аппаратуры слежения увидели, как в зале разворачивается объемная лазерная проекция. Передаваемая боевыми костюмами Воинов информация тут же преобразовывалась в виртуальную модель, и оставшиеся на Титане инженеры словно бы шли рядом с разведчиками. В первую секунду Воинов окружала лишь светящаяся субстанция, но буквально через пару шагов, когда в тоннель въехал магнитоплан и вошел замыкающий, из-под ног разведчиков исчезла опора, и приборы зафиксировали наступление невесомости.

– Индивидуальные сигналы теряются, – встревоженно сообщил главный техник. – Всем операторам перейти на аварийный канал гиперсвязи.

– Маяк магнитоплана работает с предельной интенсивностью, – откликнулся инженер, наблюдающий за «обозом». – Сигнал теряется.

– Заладили, – раздраженно высказался координатор начавшейся операции Воин Купавин. – Маяк рассчитан на глубину проникновения в гиперпространство до ста линейных единиц. Это почти десять тысяч парсеков в обычном пространстве. Вы хотите сказать, что отряд уносит дальше центра Галактики?

– Тоннель закрывается! – подлил масла в разгорающийся огонь еще один оператор.

– Сигналы боевых костюмов потеряны...

– Связь с маяком магнитоплана потеряна...

– Гипертоннель закрыт...

– Черт! – воскликнул Купавин. – Срочно передайте все полученные сведения на линкор «Сатурн», флагман армады.

– Какие сведения? – удивился главный техник. – Мы не успели ничего зафиксировать. Только обрывки...

– Вот их и передавайте, – отрезал Воин...

Время – это странная и неуступчивая часть бытия. Оно никогда не сдается, каким бы безумным ни был натиск стихии или обстоятельств. Время извивается, как пойманный уж, просачивается сквозь пальцы, словно вода, и утекает в жадный пересушенный песок пространства. Время кружится по часовой стрелке, обтекая Вселенную и расширяясь вместе с ней, но у него есть и свое предназначение. Время дает момент движения веществу, взрываясь и угасая вместе с ним далеко от точки начала начал. Что произошло в исходной точке – произнес свое веское слово бог или возникла случайная виртуальная флуктуация абсолютной пустоты, – знает лишь Высший Разум, если он существует, но возмущение, вызвавшее цепную реакцию Большого Взрыва, было провокацией именно со стороны времени. Схватками при его рождении стали неустойчивые гравитационные поля и волны, затянувшие вещество в водовороты созидания галактик и звезд. Его жизнь ускорялась с каждой секундой, вместе с удалением вещества от момента рождения Вселенной и самого времени...

Нельзя найти истоки Вселенной, потому что для этого следует вернуться в прошлое, а Время необратимо.

Путешествуя в пространстве, найти истоки Вселенной нельзя... но ведь никто не запрещает предпринять эту отчаянную попытку. Например, рухнув куда-то в сверкающую бездну, в поток неизвестной субстанции, которая мчится против движения всего сущего, пронзая попадающиеся на пути ядра галактик, межзвездный газ, звездные и пылевые скопления, взрывы сверхновых и черные дыры. Эта субстанция проходит сквозь галактики, как пуля сквозь листок бумаги. Она игнорирует даже гиперпространство, словно в этом странном измерении нет ни страшнейшей волновой гравитации, ни вязкой первозданной псевдопустоты...

То, что образовывало этот тоннель, презирало и непреклонную инертность пространства, и упрямство времени. Субстанция выполняла свою неведомую задачу вопреки любым постулатам физики Вселенной. Словно это была вовсе не ее Вселенная, словно субстанция попала в этот мир случайно: транзитом или с целью короткой разведки. Словно это было сверкающее щупальце, которое сокращалось, втягиваясь в брюхо выбросившей его твари, и никакие законы небесной механики не могли помешать этому процессу. Более того, законы словно подыгрывали субстанции, подчиняясь зову ее тяжелых гравитационных полей. Такие обоснованные и незыблемые аксиомы трехмерного мира мгновенно теряли фундаментальность, растворяясь в потоке вселенского течения, устремленного в сквозное отверстие, которое было пробито «щупальцем» в телах миллионов последствий миллионов Больших Взрывов...

Кружащих в плоскости мегавселенной, так забавно взорвавшейся в одном из рукавов ассоциации миллионов таких же раскаленных скоплений вещества...

Мегавселенной, которая вращалась вокруг центра по-настоящему внушительных масс...

Гигантских, невообразимых масс, которые, в свою очередь...

Туркин зажмурился и встряхнул головой. В скафандре это движение было довольно опасным, поскольку от него в действие пришли сразу несколько защитных и атакующих систем универсальной боевой экипировки. К тому же невесомость теоретически требовала осторожности в телодвижениях. Наполняющая тоннель субстанция гасила все неверные импульсы, и колонна Воинов оставалась относительно стройной, но оправданные меры предосторожности чаще всего приносили ощутимую пользу постфактум, когда все приключения заканчивались. Например, те, кто пренебрегал противорадиационной защитой во время штурма взбунтовавшейся колонии Три, впоследствии долго лечились в Центральном госпитале на Земле. Хитрые повстанцы включили гамма-излучатели в самый последний момент, когда бой был практически окончен, и некоторые Воины необдуманно расслабились.

Так было раньше, во время предыдущих операций и походов. Что происходило теперь, понять было трудно, однако схема действий оставалась прежней. В строгом соответствии с правилами военной науки.

– Радиосвязь сдохла, – заявил в мысленном эфире Семенов, – придется напрягать мозги.

– Непривычное занятие, согласишься, – съязвил Горич.

– Как вы считаете, господа титаны, какой червяк нас проглотил? – спросил обычно немногословный Воин Мордвинов.

– Какой еще «червяк»? – удивился Шульга. – Это же гипертоннель.

– Тоннели не светятся, – поддерживая версию Мордвинова, возразил Горич. – И не транспортируют предметы со страшной скоростью черт-те куда.

– Ты думаешь, мы пройдем мимо Стрельца? – включаясь в беседу, спросил Ямата.

– Гиперсвязь отошла на покой. – Горич представил себе, как выглядит установленный на магнитоплане маяк. – Это означает, что мы покинули зону устойчивого приема сигналов, то есть проскочили «рубеж десять тысяч».

– «Рубеж десять тысяч» в направлении созвездия Стрельца – это ядро Галактики, – заметил Туркин.

– Если смотреть с Земли, – поправил его Горич. – Реально Стрелец чуть в стороне. Хотя и ненамного.

– Я что-то не пойму, нас хотя бы к пенсии поднимут на борт какого-нибудь крейсера или мы всю жизнь так и будем воевать со сверкающими червяками в автономном режиме? – поинтересовался Семенов.

– Армада пойдет не дальше зоны тройной аномалии, – ответил Ямата.

– Успокоил, – Семенов выразил крайнюю степень недовольства. – Насколько мне известно, эта зона расположена гораздо ближе к Солнцу, чем мы находимся в данный момент.

– И с каждым мгновением это «гораздо» приобретает все более зловещий оттенок, – согласился с ним Горич. – Страшно, Семенов?

– А должно быть весело? – поинтересовался Воин. – Ты, Драган, что-то тоже не особо радуешься...

– Занялись бы вы делом, – прерывая их нервный обмен любезностями, сказал Ямата, – вон как Туркин. Летит себе титан, анализирует происходящее с научной точки зрения, запоминает пришедшие в голову выводы...

– Философ, однако, – Семенов усмехнулся. – Только и он не от большого содержания железа в нервах этим занимается.

– Лично меня занимает вопрос прибытия в конечный пункт нашего замысловатого путешествия, – сообщил товарищам Туркин. – Как-то нас там встретят?

– Ну, как обычно встречают на другом краю Вселенной? – усмехнулся Горич. – Цветами и шампанским.

– Лучше водкой и пивом, – пожелал Семенов.

– Накаркали, – заявил Ямата, указывая куда-то в сверкающую перспективу туннеля. – Кажется, к нам приближается комитет по встрече. К бою!

11. Долгая ночь

Джемисон заставил себя взглянуть на лицо Куклы. Видеть ее страдания было выше его сил, но чувство вины не давало уйти совсем, и сержант мерил шагами палату, напряженно размышляя о причинах происшествия.

Версия, в которой главным подозреваемым являлся Снайп, вполне устроила начальство, но не Джемисона. Полицейский слишком давно знал оруженосца. Снайп был, конечно, крепко обижен судьбой, но его психоматрица не содержала столь откровенных компонентов агрессивности. Сержант мог вспомнить добрую сотню случаев, когда слугу провоцировали люди или обстоятельства, но слишком мягкий и доброжелательный для титана Снайп либо обходил неудобные вопросы стороной, либо смотрел на них как бы с позиции незаинтересованного наблюдателя. Эта невозмутимость Снайпа и его философское отношение к жизни особенно нравились полицейскому. Джемисон даже подумал, что, пояись у него общие с оруженосцем интересы, они могли бы стать настоящими друзьями. Профессионализм не позволял ему положиться на личные симпатии и интуитивные выводы, но, как ни старался сержант, найти убедительный мотив для подобного поступка оруженосца Джемисон не мог. Застарелая ревность не подходила хотя бы потому, что за двенадцать лет любой нормальный человек, и даже титан, забывал обиду или хотя бы частично прощал обидчика. Снайп умалишенным не был. Для проявления жестокости в нем должна была накопиться критическая масса нервного напряжения и злости. Однако и в этом случае такой нетипичный титан, как Снайп, не смог бы удерживать в душе столь взрывоопасную смесь слишком долго. К тому же его каждые полгода осматривали медики, с этим у Воинов и их слуг было очень строго. Что же заставило вполне здорового, уравновешенного и добродушного представителя высшей расы поднять руку на женщину и ребенка, а затем еще и хладнокровно застрелить свидетеля? Внешнее телепатическое воздействие? Наркотик? Принуждение под угрозой смерти? Но какую цель в таком случае преследовал тот, кто заставил Снайпа пойти на преступление?

Ответов на эти вопросы Джемисон не находил, а потому все больше склонялся к выводу, что расследование только начинается и будет оно вовсе не таким простым, как это показалось начальству.

Сержант вновь украдкой взглянул на Куклу и вышел из палаты. Лечащий врач заверил Джемисона, что и женщина, и ее сын придут в себя не позднее полудня, и тогда полицейский сможет задать им пару вопросов. На часах пока что была полночь, и ждать целых двенадцать часов, ничего не предпринимая, сержант не хотел. Он немного постоял в коридоре, размышляя, с чего бы лучше начать, а затем двинулся к выходу. По пути полицейский произнес номер криминалистической лаборатории, и ему тут же ответил взбудораженный эксперт.

– Только не говори, что не успел провести экспертизу оружия, – предупредил специалиста Джемисон.

– Стреляли из него, это однозначно, – ответил эксперт. – Вот только отпечатки пальцев на рукоятке и спусковом крючке принадлежат не Снайпу, а его архивному файлу.

– Не мудри, – сержант поморщился. – Объясни по-человечески.

– Видишь ли, Пит, – криминалист придал лицу особо значительное выражение, – полная плантограмма снимается с руки человека, поступающего на службу в армию или орден Воинов, только один раз. С течением времени рисунок на ладони и некоторые детали отпечатков пальцев меняются. На пистолете, который ты отдал мне как улику по делу, имеется отчетливый отпечаток руки господина Снайпа, вернувшегося во времени на двенадцать лет назад. То есть или мы имеем дело с прорывом в темпорологии, науке о времени, или нас пытаются обмануть некие умники, имеющие доступ к армейским архивам.

– Даже вернувшись во времени на двенадцать лет, к истокам семейного конфликта, оруженосец не стал бы убивать свою жену, – заметил Джемисон, – он любил Куклу больше собственной жизни.

– Выводы делать не мне, – заметил эксперт. – Я поклонник фактов. Так что вот тебе улика номер два: кроме свежих липовых отпечатков Снайпа на оружии есть давние следы от пальчиков Туркина...

– Что неудивительно, – вставил реплику сержант.

– А также еще одного субъекта, – продолжил криминалист. – Юного, но цепкого. Судя по форме «пальчиков» и следам соли, он очень волновался, когда наводил это оружие на цель. Пару раз он даже переключал его из руки в руку, видимо, для того, чтобы вытереть взмокшую от волнения правую ладонь...

– Постой, – перебил эксперта полицейский, – а какие отпечатки появились на оружии позже: «юные» или «липовые»?

– Фальшивые, вне всякого сомнения, – заявил специалист.

– Ты хочешь сказать... – Джемисон осекся.

– Я констатирую факты, только и всего, – напомнил криминалист. – Выводы делай сам. Детских дактилограмм с таким рисунком в наших базах нет. Значит, этот пистолет держал в руках какой-то вполне благовоспитанный ребенок, ни разу не попадавшийся полиции и не проходивший обучение в лагерях скаутов.

– Ясно, – сержант нахмурился. – Что еще?

– Следы обуви и анализ воздуха указывают на то, что за последние сутки в доме побывало минимум шесть посторонних мужчин, причем трое из них дважды. Дальше, на системной панели домашнего компьютера обнаружился волос, судя по данным генетического анализа, не принадлежащий обитателям дома, но, к сожалению, в наших стандартных базах данных такой генетической карты тоже нет.

– Инопланетный турист?

– Или никогда в жизни не выходивший из своей квартиры титан, что маловероятно, – согласился эксперт. – Я послал запрос в главные кримлаборатории Марса и Земли. Впрочем, волос мог быть оставлен не сегодня, судя по всему, из шевелюры неизвестного субъекта он выпал около недели назад...

– Погоди ты с волосом, – опомнился Джемисон. – Зачем нам улики недельной давности? Разве дом не запомнил шестерых, которые приходили сегодня? Ведь его отключили только вечером.

– Нет, ну почему же? Четверых чужаков он не только запомнил, но и опознал, – охотно ответил криминалист, – это ты и трое твоих милиционеров. Ты был в гостях у служанки – как ее зовут, Кукла? – утром и вечером, уже после того, как компьютер починили.

– Неверно, – сержант покачал головой. – За прошедшие сутки я входил в дом Воина трижды.

– Компьютер считает, что дважды, – специалист пожал плечами. – Далее в дело вступают твои помощники. Когда они устраивали в доме засаду, то вошли всей компанией, поговорили с хозяйкой, затем двое ушли, а один остался. Спустя три часа двое вернулись...

– Так, постой, трое по два раза – сошлось, один – Филипп, а где же еще двое?

– А вот в этом вся загвоздка, – млея от осознания собственной важности, сообщил эксперт. – Дом прекрасно помнит, что около полудня приходил кто-то еще, но более подробная информация об этом отрезке дня была стерта вместе с репортажем об убийстве.

– Гипнотизер! – осенило сержанта. – Значит, это он вернулся и стер все записи о своем дневном визите, а также мою беседу с жильцами, в которой обсуждалась его странная персона. Вот почему дом считает, что я побывал в нем лишь дважды! Выходит, Снайп здесь ни при чем? Так я и знал!

– Нет, дружище, чтобы делать выводы, ты знаешь еще не все, – заявил эксперт.

– Ты же обручен с фактами и выводами не интересуешься, – полицейский усмехнулся.

– Если они не являются поспешными и откровенно ошибочными, – парировал криминалист. – Мы обсуждали посещавших дом чужаков, а не жильцов. Что касается господина оруженосца, он был-таки в доме, причем в довольно свинском состоянии, и разговаривал с женой на повышенных тонах. Это произошло ровно за минуту до отключения компьютера.

– Черт, – выругался сержант. – Только забрезжил просвет, как ты снова пригнал тучу. Выходит, это все-таки Снайп?

– Вообще-то я тебе не советчик, но не могу не заметить, что женщину нашли в спальне, на втором этаже, а системный блок «домового» расположен в подвале, – сказал эксперт. – Ругаться через два этажа – что за удовольствие?

– Верно, – согласился Джемисон. – Это все?

– Пока да.

– Если появится что-нибудь новенькое, сообщай сразу, – попросил сержант и выключил связь.

Картина преступления немного прояснилась. Нападавшим был, несомненно, некий «гипнотизер». Снайпа он просто подставил. Такой вывод являлся весьма существенным продвижением в деле, но проще от этого оно не становилось. В связи с появлением на сцене загадочного незнакомца возникала масса дополнительных вопросов. Например, зачем чужаку понадобился Туркин, причем, как рассказал еще днем Иван, со всеми кодами, секретными документами и личными защищенными каналами связи? Откуда у незнакомца специальные навыки контрразведчика и Воина, такие, как гипноз и мыслеобмен? Как ему удалось вскрыть системную панель дома? Оружейный сейф, кстати, тоже. Джемисону как-то не верилось, что Туркин мог забыть свое оружие в спальне, где-нибудь под подушкой. Да и зачем было Воину вынимать пистолет из кобуры в стенах родного дома? Чтобы пострелять на заднем дворе по пластиковым упаковкам?

«Вряд ли, – размышлял сержант. – Следовательно, «Брагин» из сейфа достал пришелец. Каким образом? Загипнотизировал Снайпа, а затем, отправив его ругаться с женой, приступил к своему черному делу? Какому? Изучению секретных документов в хозяйском кабинете? Отпечатки! Что-то должно быть именно в этих проклятых отпечатках... Итак, Снайп оружие не трогал, зато его держал ребенок. Кроме Ивана, некому. Держал и волновался. Почему? Потому, что целился в «отца»? Иван разумный мальчик и вряд ли стал бы угрожать Снайпу оружием, как бы громко тот ни кричал на Куклу. В таком случае парнишка целился во что-то или кого-то еще. В непрошеного гостя? Мог Иван знать код доступа к сейфу? Вполне. Тогда получается, что пистолет достал он? Но ведь «домового» отключил чужак!»

Ломая голову над всеми этими вопросами, Джемисон вышел из больницы и остановился у своей машины. Еще немного поразмыслив, он покачал головой и вернулся в холл больницы. Повторное изучение места преступления могло подождать до утра. Сейчас главным был вопрос безопасности свидетелей. Дом Туркина находился под внешним наблюдением центральных охранных систем, а вот рядом с кроватью Куклы и ее сына, кроме сержанта, не было никого. Должности охранника в штатном расписании больницы не значилось.

Сержант вновь поднялся к палате, где лежали пострадавшие, и, прежде чем занять место в кресле у дверей, заглянул внутрь помещения.

Высокий, атлетически сложенный незнакомец действовал быстро и уверенно. Заметив боковым зрением вошедшего сержанта, он отбросил в сторону наполненный какой-то жидкостью иньектор и молниеносным движением отправил в полет изящный пластиковый стул. Джемисон, хорошо натренированный в отражении подобных атак, пригнулся и сделал длинный шаг в сторону, одновременно вынимая из кобуры станнер. Враг не стал медлить и прыгнул к двери. Полицейский уже понял, что никакого оружия у неизвестного нет, но скорость, с

которой летел стул, красноречиво свидетельствовала о том, что любой предмет в руках этого человека может стать пострашнее, чем станнер и даже боевой пистолет.

Придя к такому выводу, Джемисон прицелился в неизвестного и с чистой совестью нажал на спуск. Молния парализующего заряда ударила в дверной косяк, на секунду отрезав незнакомца от выхода. Сержант сместил прицел чуть левее, но, к своему удивлению, вновь промазал. Казалось, что противник успевает увернуться от луча, поскольку точно знает, где тот пройдет в следующее мгновение. Полицейский понимал, что все дело в каких-то необычных способностях врага. Скорее всего, он читал мысли оппонента и потому легко предугадывал все его действия. Оставалось надеяться на подкрепление. Компьютер больницы, несомненно, обнаружил, что в стенах учреждения завязалась настоящая перестрелка, и сообщил об этом в участок. От Джемисона требовалось удержать чужака в палате каких-то тридцать секунд. На перестрелку должны были выехать не просто патрульные, а специальная полицейская группа. Против хорошо тренированных «волкодавов» фокусы, подобные тем, что демонстрировал незнакомец, обычно оказывались бессильны.

Сержант еще раз выстрелил и вновь промазал.

Чужак понимал всю серьезность своего положения не хуже полицейского. Он снова переместился в глубь палаты и поднял брошенный прежде на кровать Куклы иньектор. По силе останавливающего действия небольшая металлическая вещица не могла соперничать со станнером, но стрелять заряженной в приборчик гадостью неизвестный и не стал. Он увернулся от очередного луча и запустил иньектором сержанту точно в лоб. Полицейский не смог, подобно противнику, увернуться от летящего с бешеной скоростью снаряда. Череп сержанта лопнул, как спелый арбуз, и на белоснежные стены брызнула темно-вишневая кровь. Тело Джемисона дернулось в конвульсиях, и указательный палец в последний раз нажал на спусковой крючок. В этот раз чужак не сумел предугадать траекторию выстрела, и его правая рука повисла плетью вдоль тела. Кроме руки, частично онемели нога и половина лица. Человек нечленораздельно, но злобно выругался и, приволакивая ногу, побрел к выходу.

Он успел войти в служебный лифт буквально за пару секунд до того, как на этаже появились бойцы специальной полицейской группы и дежурный персонал больницы.

Осмотрев палату, командир спецгруппы обернулся к врачу и, указывая на тело Джемисона, спросил:

– Его еще можно спасти?

– Повреждены лобные доли, теменные испытали сильную контузию, – осматривая раненого, пробормотал доктор. – В голове, что называется, «каша», только не в переносном, а почти в прямом смысле. Кости мы восстановим, а вот мозговые ткани... Вы же имели в виду, сможем ли мы спасти его не только как биологическую единицу, но и как разумно мыслящего человека?

– Желательно, способного вспомнить все, что с ним произошло, – подтвердил офицер.

– Здесь нужен особо талантливый специалист, – врач в сомнении покачал головой. – Я знаю одного, но он отошел от работы в этом направлении и занимается частной практикой то ли на Марсе, то ли на Земле.

– Вы можете с ним связаться? – спросил полицейский.

– Вряд ли он загорится желанием нам помочь, – доктор нахмурился и сложил руки на груди. – Где бы он сейчас ни проживал, это является для него политической ссылкой.

– Режимные формальности мы уладим, – заверил командир спецгруппы. – Звоните.

– Тогда уж вы сами, – предложил врач, – а я пока займусь консервацией будущего пациента, поскольку, если продержат его на полу еще пару минут, он превратится в реальный труп. А это означает, что никаких воспоминаний в его извилинах не останется.

– Номер, – потребовал полицейский, разворачивая виртуальную проекцию терминала межпланетной связи.

– Номер легкий, – заверил врач. – Шесть троек, двенадцать, тридцать, двадцать пять. Доктор Васильев, Виктор Афанасьевич.

– Шесть троек, это где-то на Марсе, – пробормотал спецназовец. – Только бы он оказался на месте...

– Я понимаю, пострадал ваш товарищ, но почему вы настаиваете на полном восстановлении его памяти? – поинтересовался дежурный доктор, пока командир сосредоточенно ожидал ответа с Марса. – Операция обойдется вашему ведомству в приличную сумму. Мы в соответствии с договором страхования сделали бы все бесплатно, конечно, с потерей воспоминаний, но не более чем за последний месяц.

– Вы, кажется, хотели заняться консервацией? – недовольно спросил полицейский.

– Понял, – врач усмехнулся и кивнул. – Значит, не врут репортеры насчет марсианских диверсантов...

Ответить любопытному эскулапу командир спецгруппы не успел. С Марсом установилась связь, и в больничной палате на Титане раздался хриловатый, словно спросонья, голос доктора Васильева. Когда следом за аудио– установилась достаточно приличная видеосвязь, выяснилось, что врач вовсе не спит. Он стоял посреди спальни, но на кровати за его спиной можно было различить край открытой дорожной сумки. Было похоже, что Васильев собирается в какое-то путешествие.

– Чем могу быть полезен господину офицеру и компании?

– Дело государственной важности, гражданин Васильев, – ответил спецназовец. – Требуется ваша помощь.

– Моя помощь государству? – Виктор рассмеялся. – Забавно. Разве вам не известно, сударь, что я объявлен врагом этого самого государства?

– Вы будете реабилитированы, – заверил полицейский.

– Да? – Васильев прекратил смеяться, но губы его по-прежнему искажала кривая усмешка. – А вы уполномочены раздавать такие обещания? Если я не ошибаюсь, ваше звание – лейтенант полиции?

– Ошибаетесь, – серьезно ответил офицер. – На самом деле я старший инспектор контрразведки Зарубин. Вот мой жезл.

Зарубин показал собеседнику раскрытую ладонь, на фоне которой высветилась миниатюрная лазерограмма золотого жезла.

– Вот она, ирония судьбы, – Васильев горько усмехнулся и покачал головой. – Вы себе не представляете, господин Зарубин, как мне хочется отказаться и этим хоть немного отомстить вашему никчемному государству за все свои мытарства и унижения.

– Вы врач, а речь идет о спасении человеческой жизни, – пояснил контрразведчик. – Вы же давали клятву античному божеству.

– Клятву Гиппократу, – поправил его Васильев. – Вы правы, господин инспектор, я не смогу отказаться. Оплачивайте два билета, для меня и моей ассистентки. Мы вылетим ближайшим рейсом.

Часть вторая ПЕРЕКРЕСТОК ВРЕМЕН

Крейсер титанов завис точно напротив рубки. Через систему реального обзора были хорошо видны его очертания. Вокруг зоны тройной аномалии было так много звезд, что их свет практически сливался в единый синевато-белый фон, и на нем черный корпус вражеского корабля выглядел вовсе аспидным. Большинство кораблей эскадры Титана, преследовавших олимпийцев от самого Марса, дрейфовало вне аномальной зоны, но это вовсе не означало, что они не контролируют ситуацию за рубежом невозвращения. Стоило хотя бы одному кораблю олимпийцев испытать на прочность пути гравитационного капкана, в его сторону тотчас разворачивались батареи минимум десяти вражеских крейсеров. Стрелять в опасной зоне никто не отваживался, но в этом и не было особой необходимости. Несколько самых отчаянных и самоуверенных вражеских крейсеров на всякий случай все же вошли в аномалию и вплотную приблизились к кораблям, дрейфующим среди гравитационных волн. Зачем они рисковали собой, было уже неясно. Армада Воинов Олимпа больше не представляла опасности. Корабли были скованы гравитацией безвременья, а энергии в их накопителях оставался минимум, обеспечивающий сохранение жизни экипажам. Ни вырваться из тисков тройной аномалии, ни сражаться земные крейсера и линкоры не могли. Им оставалось медленно умирать в лишенном времени капкане, воображая, как где-то далеко, на самом краю Галактики, стремительно проносится жизнь покинутого ими мира.

Капитан линкора «Свобода» подошел к огромному триплексу и, заложив руки за спину, покачался на каблуках. Из огромной олимпийской армады уцелели только три эскадры кораблей его боевого соединения. Под натиском титанов они были вынуждены отступить в созвездие Стрельца, и это оказалось роковой ошибкой. Теоретически олимпийский флот был по-прежнему внушительной силой, но на практике аномалия превратила его в стадо металлических мастодонтов, загнанное в гравитационную яму безвременья. Выхода из ловушки командир не видел, и теперь ему предстояло принять нелегкое решение. Продолжить бой или сдаться. Оба варианта предвещали один и тот же крематорий. Так, во всяком случае, докладывали наблюдатели. Пленных после допросов титаны уничтожали. Причем не просто стирая им память, а физически. В такой ситуации, конечно, лучшим выходом было бы броситься в последнюю решительную атаку, но энергии реакторов могло хватить лишь на пару залпов. О том, чтобы пойти на таран, скованным гравиполем крейсерам оставалось только мечтать. Помощи ждать было тоже неоткуда. Олимпийские войска были разгромлены во всей системе. Земля капитулировала, откупившись от кровожадного врага жизнями своих лучших детей. Воины Олимпа сгорали в горниле жестоких схваток, а целые города, некогда населенные олимпийцами, превращались в радиоактивную пыль. Враг уничтожал даже детей, дальних родичей и друзей олимпийцев. Титаны вели войну несправедную и жестокую, войну на истребление целой расы, но никто на Земле или колониях не смел восстать против такого зверства. Всю населенную людьми часть Галактики парализовал страх. Безумные и ужасные в своей кровожадности Воины Титана были слишком сильны и непредсказуемы.

В вывернутом титанами наизнанку мире олимпийцам не оставалось места, но бежать им тоже было некуда. Отправляться в качестве вечных скитальцев к звездам, признав, что победа досталась врагу, оставшиеся в живых олимпийцы не могли, да и не хотели. Будь капитан и команда «Свободы» даже обычными людьми, они не сумели бы жить с таким осадком в израненных душах.

«Мы Воины Олимпа!» – подумал капитан, решительно оборачиваясь к ожидающему приказу старпому.

– Мы больше не можем драться, мы не имеем права бежать, и нам нет смысла сдаваться. Остается одно – уйти достойно и красиво. Включить таймер самоликвидации!

– Есть включить таймер, товарищ капитан, – гордо расправляя плечи, ответил офицер. – Время до взрыва?

– Три минуты, – уточнил командир. – Прощайте...

Старший помощник особенно четко отдал капитану честь и вышел из помещения просторного наблюдательного пункта. Оставшиеся минуты капитан решил посвятить воспоминаниям. Он вынул из внутреннего кармана кителя «карандашик» личного пульта и активировал голограммы семейного альбома. Дети, жена, родственники, друзья...

– Остался ли кто-нибудь из них в живых? – неожиданно спросил тихий голос.

Капитан вздрогнул и посмотрел в ту сторону, откуда донеслись звуки, машинально схватившись за кобуру. Возникший в нескольких шагах от офицера фантом не проявлял признаков агрессивности. Да и если бы проявлял, причинить человеку вред виртуальный образ был не в состоянии.

– Что вам надо? – сурово спросил капитан. – Оставьте меня, пожалуйста, я хочу побыть один.

– Нет, – образ покачал головой. – Вы хотите не этого. Вы хотите победить. И вы правы. Титаны загнали вас в угол, но это не означает, что вы проиграли.

– Вы намерены утешить меня религиозными обещаниями? – предположил капитан. – Не тратьте драгоценное время, я атеист и не верю ни в спасение, ни в переселение душ.

– А в царство мертвых? – поинтересовался собеседник. – В то, что существует Тартар и что титанам в нем самое место?

– Хотелось бы, – капитан усмехнулся, – но пока все выходит с точностью до наоборот.

– Могу предложить сделку, – вполне серьезно заявил фантом.

– Вы Мефистофель? – капитан невесело рассмеялся. – Душу в обмен на службу по ту сторону жизни, в ваших дьявольских войсках?

– Вы чрезвычайно догадливы, – ответил фантом. – Только я не Мефистофель, а Зевс. Не улыбайтесь, так назвала меня мать. И служить я предлагаю вам не по ту сторону жизни, а просто немного ниже по течению реки времени. В будущем.

– Ровно через минуту меня не станет, – капитан покачал головой. – О каком будущем идет речь?

– Я не могу остановить ваш таймер и не могу освободить вас от обязательств перед историей, – собеседник развел руками. – Линкор «Свобода» взорвется ровно через минуту. Но в моем времени, через семьдесят лет после героической, врезавшейся в память всего человечества гибели, ваш линкор был замечен минимум в трех успешных операциях против титанов.

– Какое мне дело до вашего времени? – капитан удрученно покачал головой. – У меня не осталось родных или близких, чтобы я мог броситься к ним на выручку сквозь годы и расстояния. Ради кого я должен продлевать собственную агонию? Ради трусливых людишек, которые отдали нас на растерзание своре бешеных псов?

– Разве вы не хотите отомстить за гибель любимых людей и свою растоптанную честь?

– Мстить? – капитан усмехнулся. – Кому? Детям тех, кто повинен в злодеяниях? Или дряхлым старикам, в которых превратятся сегодняшние головорезы через семьдесят лет? Какой в этом смысл? Мечь – мечта слабых. Прощение – крест сильных. Не мечь, а публичное прощение с последующим забвением – вот худшее наказание для человека, каким бы мерзавцем он ни был.

– В таком случае вы должны простить предавшее вас человечество и спасти его от титанов, – сделал вывод из рассуждений капитана пришелец. – К тому же не хочу на вас давить, но участие «Свободы» в новой войне – в моем времени – состоявшееся событие.

– Чушь, – капитан махнул рукой. – Вы не можете заглядывать в собственное будущее, я немного разбираюсь в темпорологии. Вы, видимо, усовершенствовали технологию внутри-временных капсул? В таком случае вы действительно способны «занять» у прошлого десяток кораблей, заменив их подходящими по массе предметами. В моем времени подмена может длиться всего миллисекунду, но за это мгновение в вашем мире выпущенные из Тартара гекатонхейры успеют прожить целую жизнь.

– Красивое сравнение, – заметил фантом.

– Ну, раз вы Зевс, а мы нужны вам для победы над титанами, то метафора уместна, – капитан усмехнулся и пожал плечами. – И потом, что есть царство мертвых, если не прошлое? Тартар, полный живых мертвецов. С вашей позиции это должно выглядеть именно так, я думаю.

– Так оно и есть, только дело не в технологии капсул, – ответил Зевс. – Внутривременные каналы выполняют те же функции, что и гипертоннели, только проложенный ими путь сквозь Вселенную более надежен. Не будем далеко ходить, возьмем в качестве примера тот участок пространства, где вы сейчас находитесь. Выбраться из зоны тройной аномалии обычным способом практически невозможно. Даже прыгнув в гиперпространство, вы не сумеете преодолеть заслон из волновой гравитации, вас остановит мощнейший гравитонный противоток, и, вместо того чтобы выйти в намеченной точке обычного пространства, вы вернетесь в зону, только еще глубже. Туда, откуда и вовсе нет выхода. Единственное средство, при помощи которого можно вырваться из капкана аномалии, – внутривременной канал. Однако он перенесет вас только туда, откуда спроецирован. То есть в наше время.

– Не понимаю, – капитан задумчиво покачал головой, – вы же сказали, что «Свобода» погибнет в финале войны Спутников.

– Все верно, – Зевс огорченно кивнул. – Однако зона тройной аномалии – территория безвременья. Отсюда, теоретически, можно попасть в любую эпоху. Это словно перевалочный пункт, или, если угодно, перекресток времен. Время здесь сковано крупнейшей массой медленно расширяющейся материи. Оно почти не движется, если судить по часам Земли. Попадая сюда, мы субъективно оказываемся одновременно в прошлом, настоящем и будущем. На самом же деле привязку к реальному времени нам может обеспечить направление, в котором мы спроецируем внутривременной канал. Если вы согласитесь, я обеспечу все корабли вашей эскадры тоннельными установками, и мы направим их каналы в мое время. К сожалению, мы не вправе оставить вас в нашем мире навсегда. Когда ресурс установок будет исчерпан, вас снова затянет в эту зону, но в том-то и заключается главный секрет тройной аномалии – она, словно клапан, выравнивает давление вещества и времени, и здесь уже бессильны любые технологические ухищрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.